

СМЕНА

Сигнальный

11

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЕРЕВАН— ГОРДОСТЬ АРМЕНИИ

Фото Н. Максимова.

Площадь В. И. Ленина.

Улица И. В. Сталина.

Снежные нагомы хребтов пересекают Армению с севера на юг. Обогнув озеро Севан, хребты сходятся, словно стараясь аманать в гранитные тисны беспокойную реку Зангу. На этой реке, у начала Араратской равнины, стоит древний Ереван—столица Советской Армении. Он лежит словно в горной колпабели, между друталым Араратом и четырёхглавым Аргажом.

В прошлом Ереван—город глинобитных дачуг и кривых улиц. Внешний Ереван—один из красивейших городов. Древний город стал молодым, отстроился, назвал новыми именами новые улицы.

На центральною площадь города, носящую имя великого Ленина, лучами сходятся все главные магистрали города. Здесь высится отдельное розовым туфом здание Дома правительства, сверкает мрамором Дом культуры, отравляясь в воде бассейна. На противоположной стороне площади возвышается пьедестал Ленину с пьедесталом на полноразмерного лаванского гранита.

Проезжая по улицам, нельзя не восхищаться архитектурой Театра оперы и балета имени А. А. Спендиарова, зданий «Арменнегго», университета имени В. М. Молотова и многих других, выросших за последние годы. Здесь тесно переплетаются лучшие традиции армянского древнего зодчества с советской архитектурой социалистического реализма.

С каждым годом город растёт, и посёлки, которые раньше были за городской чертой, теперь образуют новые районы.

Раньше в Ереване не было никакой промышленности, да исключением шпико-новачного завода. Теперь город даёт стране стани заводу имени Дзержинского и детали автомашин, часы и электрооборудование. Розовое варенье—«столь-шакар», как называют его армяне,—можно найти в городах Крайнего Севера и Дальнего Востока.

Ереван стал крупнейшим культурным центром. До революции здесь не было ни одного высшего учебного заведения. Сейчас их двенадцать: государственный университет, политехнический, медицинский, сельскохозяйственный, два педагогических института и другие. Из их стен вышло немало отличных специалистов, работающих во всех районах республики.

В городе работает Академия наук Армянской ССР, есть Библиотека имени А. Ф. Мясникова, в которой насчитывается около двух с половиной миллионов книг. На весь мир известно хранилище древнейших рукописей «Матенадаран».

И все это принадлежит народу, который по праву гордится своей прекрасной столицей.

Театр оперы и балета имени А. А. Спендиарова.

В гостях у старой учительницы. Пионерки, ученицы орловской 4-й женской школы, пришли навестить свою старую учительницу, пенсионерку Евгению Степановну Комарову.
Фото А. Молюцова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Июнь. № 11. 1954 год.

Год
издания
31-й

Фото Г. Ворикова.

Оживленно у главной конторы Веселовской МТС.

ТРАКТОРИСТЫ

Я. ТАВРОВ

В июне 1954 года исполняется 25 лет со дня постановления Совета Труда и Обороны об организации машинно-тракторных станций. Сейчас в нашей стране насчитывается более 9 тысяч МТС. За прошедшие годы МТС более успешно содействовали развитию колхозного производства, являясь опорными пунктами социалистического государства в руководстве колхозами.

Особенно важна роль МТС после исторических решений Коммунистической партии и Советского правительства о дальнейшем развитии сельского хозяйства. Работники машинно-тракторных станций, вооруженные новой техникой, являются передовым отрядом тузовской поля. Они стоят на решающем участке борьбы за осуществление программы резкого подъема всех отраслей сельского хозяйства.

В этом очерке рассказывается о молодых механизаторах Веселовской МТС Таганрогского района, Ростовской области.

I

Когда Иван Мартынович Руденко садится на полевом стане на шаткий неразрушенный стол, устало кладет на него большие натруженные руки и сосредоточенно смотрит в сторону, трактористы говорят: «Чаяй думает» — и спешат оставить бригадира одного. Негизнесто, кто и по какому поводу называе так самого смиренного и неторопливого человека во всей Веселовской МТС, однако прозвище пришло.

«А он и вправду похож на Чаяя», — подумал Алексей Белохвостов и поднялся со скамьи.

— Погоди, Аляша, — остановил его бригадир. — Хочу продолжить наш старейший разговор.

— О чем? — спросил Алексей, но тут же догадался, вспомнил.

— Это было перед уходом в армию. Алексей тогда зашел в контору попрощаться с бригадиром. Руденко стоял у раскрытого окошка, в которое хорошо было видно море. У самого берега, над крутым обрывом, лепились друг к другу постройки

МТС. Направо и направо от них почти непрерывной цепью тянулись колхозные поселки — Новая Бесергетовка, Соколовка и другие деревни, где Алексей знал каждую улочку, каждый двор, каждый сад. К садам кое-где вплотную подходили зеленые линии полезитных асепных полос. Аляша тогда только что закончила опылку одной из тех полос, на которых он еще школьником сажал косточки диких абрикосов. Этих славные вымахаи из этих кочечек деревца! И все этим предстояло протреться.

— Что ж, ждать тебе? — спросил тогда бригадир. — Вернешься, как отсузишь?

— Не знаю, — ответил Алексей, и ему стало больно от того огорчения, какое он прочел в опечаленных глазах Ивана Мартыновича.

Почему он сказал «не знаю»?.. Может быть, ему не нравилась профессия? Нет, работа нравилась. Вначале он водил колесный трактор, затем окончил курсы дизе-

листов и перешел на тяжелый «ДТ-54». Конечно, он не знал еще до точности эту сложную и сложную машину, но и не ласовал перед ней. И все же, хотя Аляша сказал «не знаю», в душе он склонился к тому, что ни в МТС, ни в колхоз ему возрвратит лет. Не здесь его настоящее место. Понятие о «настоящем месте» у Аляши было весьма расплывчатым. Испо было ему лишь то, что он, Алексей Белохвостов, должен работать там, где в очень сложной обстановке испытываются все силы человека. А здесь тишь и благодать. Несколько месяцев напряженной работы в МТС, а после — отсида в колхозе, случайные поручения...

Так и не ответив твердо на вопрос бригадира, Белохвостов ушел в армию. В письмах, которые получали однополчане Алексея из разных деревень, нередко шла речь о горьких неудачах в некоторых колхозах. Выслушав рассказы сослуживцев о незадачных председателях, приводивших в упадок артельное хозяйство, о нерадивых механизаторах, забывавших что в сельхозделах «день кормит год», Алексей Белохвостов начинал гордиться своей родной МТС, где и порядок был и колхозы крепки. И все же не думал возвращаться туда. После окончания военной службы он хотел поехать в Бяку. Его ваекло то на морские нефтепромысла, то на крестинг-завод. Нефть! Здесь, думалось ему, уж не будешь чувствовать себя на второстепенном направлении. Алексей писал о своих планах Шуру, жене. Правда, она не очень восторженно отнеслась к ним. Ах, эта Шура! Нет у нее никакой охоты к перемене мест, не манит ее неизвестность.

Возможно, Алексей так и поехал бы в Бяку, если бы в ту памятную осень, в сентябре, партия не сказала свое слово о колхозных делах. Партия наметила новый грандиозный план подъема сельского хозяйства, который должен привести и приведет в действие неисчислимые резервы социалистического земледелия, в короткий срок отодвинет в прошлые постыты колхозной жизни, поднимет отсталые сельскохозяйственные артели. Особо важная роль в постановлении Центрального Комитета партии отводилась МТС — главной силе в борьбе за высокие урожаи. Огненные трактористы, комбайнеры — вчерашние колхозники, прежде отчислившиеся в МТС на сезонные работы, — становились кадровыми рабочими. Тракторная бригада превращалась в постоянную и действительную производственную единицу, на ее плечи ложился весь комплекс механизаторских работ в деревне.

От всего этого захватывало дух. И Алексею, решивший было работать на нефтяных промыслах, изменила свои планы. Надо возвращаться в село, в родную МТС. Там и есть настоящее место в жизни!

И вот сейчас Руденко снова спрашивает тракториста:

— Не жалеешь, что вернулся, а?

Квадратно-гнездовая посадка кукурузы агрегатом «КГ-6».

— Что вы? — отвечает Алексей. — Об этом и разговора не может быть.

II

Как ни богата событиями, как ни примечательна победным шествием нового история колхозного строя, но нынешняя весна займет в ней особое место.

Весна в природе в этом году наступила очень поздно, но ее опережала другая — народная весна, весна горячих дум и патристических дел. Эта весна приходила на село с посланцами городов — инженерами, агрономами, механизаторами, — приходила с могучим потоком новых машин, с ломкой бюрократических стандартов в управлении сельским хозяйством.

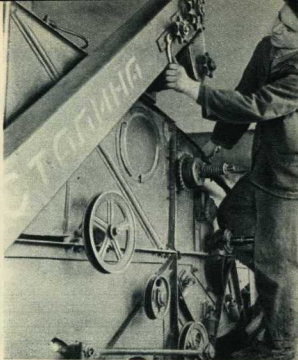
Не все ладилось сразу. Но в том, как люди переживали неудачи, промахи, провалы, быть может, самое главное в

волеи и веса. Он любит, когда трудно, так и ждет, где бы удаля выказаться. А пойдут обычные дела, боюсь, опять заскучает.

19/1. Алексей работает на снегодержани. К его трактору пристроены снегопалки. Они наметаю валы. Не уйдет вага с полей. Это, конечно, для трактористов сейчас главная работа. Алексей очень ею увлечен.

20/1. Все трактористы и принципши учатся на курсах квадратно-гнездового сева. Теперь картофельные поля будут обрабатываться только машинами. Какая уйма труда сэкономится! И урожай будет выше.

24/1. Алексей избран комсомольским группом. Митя Синеоков спросил, какая задача стоит перед группой. «Задача простая», — ответил Алексей, — «выполнить социалистические обязательства бригады, а они неслегка. На сев даем себе три дня

В мастерской МТС. Слесарь Степан Горшменно ремонтирует комбайн.

Бригадир Иван Руденко дает последние указания механизаторам перед выездом в поле.

этой весне — чувство особой и радостной ответственности перед страной.

В эту пору ученица бригады Руденко, Шура, жена Алексея Белохвостова, вела дневник. В нем записано:

«3/1. Вчера с Алексеем слушали по радио «Снегурочку». Все не верится, что мы опять вместе. Рассказывала Алексеев о молодых принципшах. Только подумай: уезжала Алексей в армию — Женя Abramenko еще голубей гоня. Поставили его тогда к сеялке — и смех и грех. Однажды и вовсе не вышел на работу. Иван Мартынович мигнул на мотоцикла — и нагрянул к нему домой. А он на чердаке с голубями своими возится. Руденко ему: «Ты что, аспид, делаешь?» А тот: «Одну минуточку, Иван Мартынович, поглядите, какая красота!»

Ничего же Abramenko — хороший принципши и трактор уже изучил! на курсах занимался. Не один он так поднялся. Курсы окончила и Митя Синеоков, недавний любитель ловли осетров. Трактористом стал и Федя Зайцев — задра и насмешник. Все они комсомольцы. Говорят, комсомольскую группу у нас создадут. Давно пора.

5/1. Трое суток шел снег. Весь белый свет залосос. Такого в наших местах и старики не помнят. А теперь лютый мороз. Алексей уехал на тракторе пробивать дорогу в Таганрог для подвоза горячего. Очень волнуясь за него. Не простудился бы.

9/1. Алексея не было три дня. Ночью вернулся. Досталось ему порядком, но до

место четырех по плану. Ну и остальное соответственно.

25/1. Председатель колхоза имени В. И. Ленина едет в Москву на совещание передовиков сельского хозяйства.

2/П. В МТС приехали две новые сеялки «СШ-6», картофелезакалки и пропашники овощные. Растет наш машинный парк. Даже скреперы, и те у нас есть. Горы можно возрочить с такой техникой!

5/П. У меня с Алексеем небольшая размолвка. Поспорили по поводу доклада, который сделал на общем собрании директор МТС. Мне доклад не понравился. Бой вспомни директор и урожай 1922 года и засушливый, сухойейный прошлый год. Кто же этого не знает? А вот о задачах сказал Иван, помощников своих, бригадиров, почти не записал. Мало было критики. Алексей считает, что достаточно. Если в хозяйстве порядок, зачем, мол, тревогу бить, для форм, что ли? А разве у нас все так уж хорошо? Заспорили мы, слово за слово и лишнего переговорили.

6/П. Замечательная новость! Наша МТС и все колхозы ее зоны, возможно, будут представлены на Всесоюзной сельскохозяственной выставке.

8/П. Председатель колхоза имени В. И. Ленина вернулся из Москвы. Выступил перед нашей и полеводческой бригадами. Оказывается, хоть и предполагается выдвинуть нас на выставку, а по удовольствию коров и по овощеводству мы еще очень отстаем от лучших колхозов страны. Председатель считает, что МТС мало помогает колхозам в орошении и в других де-

Тракторист Федор Антипов.

Тонарь Анатолий Федоров обрабатывает валини для комбайна.

Минувшей весной на усадьбе МТС посадили молодые фруктовые деревья.

Алек. Он беспокоится, как проведут трактористы квадратно-гнездовую посадку. Интересовался нашим контрольным комсомольским постом по проверке готовности к севу.

18/III. С ремонтом кончено. Хот завтра начинать сев, сорвала бы почва».

III

Никогда не γίνεται на полевом стане так медленно время, как в те дни, когда уже опробованы все тракторы, завершен последние гапки на последней селке, ждет своего часа протравленное зерно, а сеять все еще нельзя — сыро.

И вот настало долгожданное утро. Руденко дал команду начать выборочный сев. Первый день сеяли два часа, второй — че-

тыре. А потом — крупные сутки. Земля поспела и поляки были готовы к минуте.

Алексей Белохвостов ночью вде перекрестный сев ранних колосовых сразу тремя сплошными рядками. Низкое жужже небо было затгнуто облаками, они закрывали месяц и звезды, но четыре дальних ряда зачирывали из мрака валяющую, заблуждающуюся за осени землей.

Бригада закончила сев за шестьдесят часов. Руденко сразу занялся подъемом черных таров. Алексей опять легла ночью. Напряжения первых дней усталость и нем и сменилась горделивым сознанием победы. Об успехе комсомольской молодежной бригады писал газеты, о нем сообщали по радио. И все МТС шла в чисте переловки.

Белохвостов был верен себе. Теперь, когда сев почти остался позади, он кеззавсе ему, в сущности, несложным делом. Больше того, случилось то, чего Шура боялась, — Алексей вдруг заскучал. На безудла для их бригады, выполнявший все графич работы, не были подготовлены новые задания. Сказалось поверхностное планирование. Руденко ходил мрачнее тучи.

А трактористы пока играм — кто в шахматы, кто в домино. Алексей как раз раздумывал, меняться ему ферзями с Мухимым или нет, когда вошла Шура.

— Вы тут играми тешились, — взволнованно сказала она, — а в что в МТС делается? В десятой бригаде десять га картофеля посеяно по старинке, дедовским способом. — Неправда! — воскликнула Алексей.

— Они не смогли отрегулировать сеялку «СКГ-4», — пояснила Шура, — и директор дал команду сеять рядовым способом. Так, мол, быстрее.

Алексей встал из-за стола. Ему было не до шахмат. Он и сам не мог объяснить, что его так расстроило. Конечно, Белохвостов не отвечал ни за ошибку директоров, ни за другую бригаду. Но он все время жила в уверенности, что дела вокруг идут как по маслу. Не было у него широкого хозяйского глаза, тревоги за всю МТС. Не

потому ли он перлов скучал? Он думал только о своей бригаде, а ведь давно шла речь о помощи товарищам.

Алексей вышел из котельной. Ему хотелось остаться наедине со своими мыслями.

Он оглянулся вокруг.

За каменной мягкой черной пахоты зеленела набирающая силу озыма, она подхлонула вилуэту к постройкам МТС, а за ними сверкала на солнце морской простор.

Для искусственного орошения прокладываются трубопроводы.

Это было Приказовое, край, куда он вернулся, чтобы отдать ему все свои силы. Алексей думал о делах МТС, и горькое недовольство собой сменялось постепенно сознанием новых возможностей, которые открывались перед ним.

В УРОЧЬЕ ПОКТАЛ

Пермивный ветер с налету ударил в стены котельной, предвещая снежный бурян. О буряне говорилось и в метеосводке. Заведующий фермой Саргаса Курманулов резко встал, надел плащ.

— На настичь! — спросил радист. Саргаса кинула в ответ, вышел и быстро оседлал коня. Мимо сирок сена он покосился в темное небо. Ветер колотил щепки первыми, еще — невдалеке. Снежинками, вихрями над верхними барханах, звенел в высохших стеблах полевник.

«Успее ли предупредить всех? — думал Курманулов, подхлывая коня. Издалека донесся знакомый стон степной птицы. Вот и павец. Заведующий фермой несомненно умбеуис, увидев Кудайбергена Байдаулетова, ошуренного тесно прижавшихся друг к другу ошакан. Сильно газ толковала Саргаса молодому чабаном о том, как водить отару! И теперь тут, наконец, покатил отара двинулась против ветра, вечером она, сытая, будет возвращаться в кошары и загоны легко, не затрачивая лишней энергии.

— Эй, дружище! — крикнул Курманулов, не слезая с седла, — бурян идет! Диним путь к Сары-сая, там ветер слабее, а травистый хороший. Если надолго залуритит, возвращайся и кошарам.

— Ясно! — ответил Байдаулетов и повернул отару.

Через полчаса Саргаса подхлывал и отаре Бегалы Демисенова. Опытный чабан уже перерегнул овец в долину.

— Стелся к Алау-Тазу, он сегодня далено ушел, — сказал чабан заведующему. — Тут опять бурян, разбухнувшим стель, которая, кажется, юнча-ирало нет. Это Мухон-Кумы. Засев, в урочище Тонташ, напустея громадные отары овец. В отарах только одного колхоза имени И. В. Сталина, Меркенинского района, Динабулуской области, где работает Курманулов, насчитывается около сотни тысяч голов. А и юнчу эти пятнадцать их должно быть семидесят тысяч.

Курманулов уже успел обходить все отары, когда его догнал снежный фетер. Саргаса, спрычная радистом! Курманулов развернул блики и прочитал: «Выездной Адамас кессисе делюшис Финилад ВАСКИИИ, готовность эссисидать своим отпате».

Вначале Курманулов дине немного смутился: «так ли богат мой опыт, чтобы рассказывать о нем чужим?» Он успокоился, с чего пришлось ему начинать три года назад.

Полок шила в родном колхозе. Не хватало орозов, но было урожайный для снога, в отарах чалы вспыхивали болезнью. В это тяжелое время и был назначен заведующим фермой комсомольца Саргаса Курманулова.

А — Я пасу по-совому, — говорит старик, — тот — по-своему. Вот и помню, кто правиле работает. Нужно, чтобы у каждой отары было свое пастбище с несколькими полями. Ставили одно поле — перегоняли отару на новое место. Иные ошакан вытоптут морни трава, полотудт пещи.

По крупнее собирая Курманулов все лучше из опыта старых чабанов, советовался с зоотехниками и ветврачами, а потом делился знаниями со своими товарищами. Немало за это время переучил он учеников, книг брошено, в которых говорилось о передовых животноводов.

Результаты вскоре сказались. Когда-то оставшиеся чабаны стали выходить в число передовиков. А Бегалы Демисенов добился таких показателей, о которых в Меркениском районе раньше могли только мечтать. От каждой сотни овец он получал по сто орозов два агнечка, с каждой ошакан настриг по три с половинной килограмма шерсти.

Труа Демисенова хорошо вознагражден. Только в порядке дополнительной оплаты ему выдано девятноста агнечки. И не трудно ли получить примерно шесть тысяч рублей дингами и три тонны хлеба...

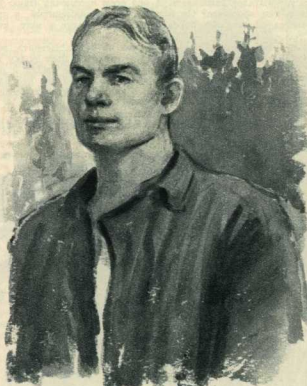
Большие перемены произошли за последние годы в урочище Тонташ. Оприноритов неверное влияние, будто пастбища на отпоне следуют вестти лишь в подомном орозе. У пещов отвоваено более ста гектаров земель, которые засажены люцерной и клевером. Плотина, сооруженная на речке Тонташ, позволила освободить большой участок попустыни. В урочище, в сотне километров от централизованной усадьбы колхоза, выросли новые жилища дома, магазин, здание школы. Раз в неделю на ферме проводятся занятия трехдневных зоотехнических курсов. И во всех этих радостных переменах есть доля труда комсомольца Саргаса Курманулова и других молодых колхозников сельхозинженерной артели имени И. В. Сталина.

В за заседании Казахского филиала Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина важной задачей человека, принявшего проводить дни в селе, входит высокий уготовый парен с комсомольским значком. Саргаса приехал в столицу республики, чтобы рассказать ученым Казахстана о делах животноводов урочища Тонташ.

С. АСКАРОВ, А. РОЗАНОВ

КРАСИВЫЙ ПАРЕНЬ

Рассказ

Самые живописные места на лесозащечке Ююном тянутся вдоль узкоколейки, по которой спускают на берег Белой готовые к сплаву бревна. Рельсы уходят километром на семь в горы, извиваясь вдоль реки со странным названием Тельнейская, хотя вода в ней такая же гремячая и холодная, как и в других горных речках. Сначала дорога идет у самой воды, потом поднимается все выше и выше и на четвертом километре забираться уже так высоко, что Тельнейская отсюда кажется ручейком.

Узкоколейка пересекает овраги и лощины, через которые перекинуты мосты и мостки без насыпей. Если глядеть с вагонетки, когда она идет на хорошей скорости, кажется, будто летит над пропастью. Справа образ, местами поросший кустами ежевики. Слева скалы и лес: мощные стволы есени, бука и пихты, меж которыми густо разрослись колочие кустарники. Кругом темно, тихо и безлюдно.

На последнем километре узкоколейка поворачивает влево от реки, вглубь леса, и выходит на широкую просеку. Сверху от лесосек сюда проложены бревенчатый желоб, по которому лебедкой тянут срубленный и раздвинутый лес.

На просеке перекинуты люди, стрелочек движок под навесом, постукивают перекачиваемые бревна, но все это звучит приглушенно, кажется, что лес вековой тишиной своей придала голоса. И люди кажутся тут маленькими и незаметными рядом с деревьями в три обхвата. Попавая сюда впервые, несколько испытываешь восторг и робость, но потом, когда осмотришься, приходит чувство гордости за людей, которые все глубже врубаются в непродоходную чащу, уходя в горы, прямо к высокому небу, которое голубеет в просветах между деревьями.

Мотовоз тянет поезд только вверх, а оттуда груженные вагонетки идут своим ходом — одна за другой перекатываясь через мостки, подпрыгивая на стыках. Работа на вагонетках требует силы и хладнокровия: у новичка при спуске по узкоколейке не раз замер сердце, а опытные вагонетчики спокойно поглядывают по сторонам, ловко притормаживают у опасных поворотов, а там, где можно, отпустив тормоза, катят «с ветровки».

Рабочий день у вагонетчиков начинается в шесть часов утра. Они выходят к своим вагонеткам, стоящим в туннике, сцепляют их и ждут, пока мотовоз, воевая поступивая мотором, выкатится из сарая. Поезд медленно трогается, идет до складов и останавливается: тут его ждут лесорубы, едущие на верхнюю лесосеку.

Смеясь и перебрасывая шутками, рабочие рассказывают по вагонеткам. Лучшие места захватывают дебята. В сапогах, в широких брюках и стеганых куртках, они почти ничем не отличаются от мужчин, разве только голоистей. Самой заметной среди них была Зинаида Бахно. Неуклюжая мужская одежда не скрывала девичью стройность ее фигуры. Лицо у нее смуглое, строгое, из-под круто изогнутых бровей лукаво смотрят горячие черные глаза.

В лесхозе ее знали все. Она родилась и выросла в поселке Ююном и рано, еще до войны, осиротела. Зинаиду взяла к себе дядя, охранник заповедника. Семья у него была большая, и Зинаида с шестнадцати лет пошла на работу. Дядя вовсе не настаивал на этом, но она сама так захотела. Характер у нее упрямый с детства: если что задумает, ничем ее не остановишь.

Еще не кончилась война, а в горы уже шли геологи, уже несколько изыскательских партий прокладывали трассы будущих лесозовных дорог. В одну из таких партий Зинаида поступила таборщицей — следить за порядком в лагере изыскателей и варить им обед. Потом она ходила с рейкой, носила теодолит, рубила просеки для топографической съемки, не боялась никакой работы. Не по летам трудная и сильная, Зинаида не знала, что такое усталость, и чем проделая было дело, тем больше оно ей нравилось. В восемнадцатый лет она уже рубила лес и вместе со сплавщиками разбирала завалы на реке, отлично управлялась с тяжелым багром. Ее фамилия появилась на доске почета лесхозхоза, она вступила в комсомол и стала ходить в вечернюю школу.

По утрам вагонетчики наперевоз приглашали Зинаиду на свои вагонетки: она поджигала лес по одному, то к другому, никому не отдавая предпочтения. Но с некоторых пор у нее появилось постоянное место — на вагонетке, которую вела Ваня Колышкин.

На Ваню Колышкина Зинаида обратила внимание недавно, во время майских праздников. Девушки и парни гуляли на высоком берегу реки

Белой: плясали под баян, пели песни, слушали самодельный концерт и даже танцевали парами на призы, учрежденные заводским поселковым клубом. Народу собралось много, тут же был и Ваня, высокий, неразговорчивый малый с широкими, крепкими скулами и маленькими серыми глазами, лениво смотревшими из-под тяжелых век. Никакими доблестями отмечен он не был, и Зинаида целый день его не замечала, как не замечала многих других ребят. Уж если кто из вагонетчиков и обращал на себя внимание в этот день, так это их бригадир Женя Луянец, стройный черноволосый парень. Он и плясал лучше всех и приз за танцы получил — флажок одолеком. Тут же откупорил его, Луянец крикнул:

— А ну, девчата, подходи!

Но вот гуляние пошло на убыль, молодежь стала расходиться. Вечером. Солнце опустилось за горы, вода в реке потемнела, синие тени легли на лесистые склоны, и только вершины гор, с которых еще не сошел снег, горели малиновым пламенем. Вагонетчики сели на самом краю обрыва, у дуба с обнаженными корнями.

— Спел бы, что ли, Колышкин, — сказал Луянец.

Ваня кинул головой в знак согласия.

— «Меж крутых бережков» знаешь? — спросил он у баянщика.

— Знаю.

— Давай, только пошше.

И Ваня запел негромко:

Меж крутых бережков
Волга-речка течет...

Девушки и парни прихлопнули. Казалось, притихла и река, ворчливо погромыхивавшая внизу. Зинаида опустилась на землю, оперлась на руку и смотрела на Ваню сбоку, не отрываясь, как зачарованная.

Голос у Колышкина был несильный, пел он тихо, но столько души вкладывала в песню, что казалось, льется она из груди сама собой. И так это было хорошо, что у Зинаиды дышание перехватывало.

Кончилась Ваня петь, провел по лицу ладонью и, помолчав с минуту, спросил баянщика:

— «Тучи над городом» знаешь?

Ваня спел и эту песню. Зинаида никогда не видела далекой Нарвской заставы, но ей ясно представлялась окочина поселя, в котором она выросла, белая каменистая дорога, уходящая в зеленую долину, а на дороге прощаются парень и девушка... Она позавидовала той девушке и пожалела, что никогда еще в своей жизни не встречалась и не прощалась за околицей ни с одним парнем.

Зинаида с той минуты ходила за Ваней Колышкиным и все разглядывала его так внимательно, что товарищи заметили это и стали над ним подшучивать.

— Чего ты на меня так смотришь? — грубовато, чтобы скрыть смущение, спросила Колышкин.

— Смотрю, откуда в тебе такая сила, — просто ответила Зинаида.

— Ну и что ж, высмотрела?

— Высмотрела, что надо.

Ваня усмехнулся и ничего не сказал: не нашелся, что ответить этой смелой девушке.

Они стали встречаться по вечерам. Подолгу сидели у реки или на броду по камешти, белевшей в сумерках дороге вдоль берега. Зинаида обнимала истоки на прибрежных кустах, бросала их с обрыва в воду, Ваня шел рядом, смотрел на нее и никак не мог насмотреться.

В поселке люди только плечами пожимали, глядя на эту пару: и чем он ее приворожил? Зинаида — девушка видная, красивая, многие парни на нее засматриваются. Даже Лунев, первый, что называется, парень, и тот пытался ухаживать. А она всем предпочла Ваню Кольшинку. Что в нем хорошего? Он и работник не знаменитый, и красотой не отличается, и выпивает иногда. Только и заслуг у него, что петь умеет.

Как-то в день получки Ваня и пришел на берег. Девчата, встретив Зинаиду, сказали, что «е Кольшинку» в столовой шлет водку с десертными. Она долго сидела одна на берегу, потом пошла в поселок. Клуба увидела Ваню. Бесмысленно улыбаясь, он лез целоваться к банясту. Зинаида не подошла к ним, а на другое утро подошла к Ване на вагонетку и, взглянув на его серое лицо, спросила:

— Что же ты вчера на берег не пришел?

— Получка была, — ответил Ваня, — выпил с ребятами. А ты ждала?

— Ждала.

Вечером они опять всталились на белой дороге. Дошли молча до каменной насыпи и сели на длинный осколок известняка. У их ног шумела река, в небе уже разгорались звезды, и вода на перекатах поблескивала.

— Я вчера тебя видела возле клуба, — сказала Зинаида. — Зачем ты так, Ваня!

Кольшинки сидел, опустил плечи, уронив тяжелые руки.

— Ну, выпил с ребятами, — ответил он тихо, — что тут особенного?

— Ты был некрасивый, какой-то весь...

— Знаю, что я некрасивый, — еще тише проговорил Кольшинки, — зачем же выпивать об этом?

— Неправда, — Зина своими крепкими маленькими руками схватила и сильно сжала его большую руку. — Неправда, ты красивый, когда поешь... когда ведешь вагонетку... И надо быть всегда красивым, всегда! — Она сильно трянула его руку.

— Как же это у тебя выходит: то красивый, то некрасивый? Ты, Зина, смеешься надо мной, что ли? Мне все кажется, что смеешься. Вот ходишь, ходишь, а потом бросишь и смотришь на меня не захочешь... А я теперь о тебе только и думаю... С ребятами напился вчера с досады. Они говорят: «Не пара ты Зинаиде, разве ей такой парень нужен!..» Обидно мне это слышать, а ответить ничего...

— Глухой ты, глухой, — ласково перебила Зинаида, — и чело выдумываешь! Я не смеюсь над тобой, Ваня. Вот пел ты тогда на берегу, точно сердце мое в ладони взял. А потом погас... Я хочу, чтобы ты всегда был сильным, смелым, чтобы я гордилась тобой!

— Ишь чего ты от меня захотела! — горько вздохнул Ваня. — Разве я так сумею?

— Сумеешь... Сумеешь, Ваня! Ты живи и все время помни, что я на тебя смотрю... Разве тебе не хочется передо мной быть самым лучшим, самым красивым?

Кольшинки выпрямился и пристально посмотрел на Зинаиду.

— Какая ты... — сказал он не то удивленно, не то восторженно и несмело, иловко провел своей большой ладонью по ее волнистым, как вода на перекатах, волосам.

В горах прошли весенние ливни, сошел снег с ближних вершин, реки стали прозрачными, обмелели. Наступило лето. Ваня Кольшинки загорел и стал как будто выше ростом, точно выпрямился. Впрочем, эту внешнюю перемену в нем мало кто заметил. Обращая внимание на другое: характер у Ваня стал меняться. Раньше он был мягок и податлив, служил мишенью для шуточек, а теперь знакомые обнаружили в нем твердость: он не избегал старых своих приятелей, но пьяным его уже никто не видел.

Однажды после работы, поставив свою вагонетку в тупик, Ваня сказал Луневу:

— Слушай, бригадир, у меня есть предложение.

— Если насчет вышить-закусить, — приунылся Лунев, — то я не прочь.

— Я не про то, — серьезно ответил Кольшинки. — Я думаю, что мы вместо семи ребов за день можем делать восемь.

— Как это восемь? — удивился бригадир. — Мы, кажется, дураки не валяем, работаем как следует. Если ты хочешь вырыть один ребе за счет скорости спуска, то это, брат, авантюра.

— Я не за счет скорости спуска. — Вани сел и усадил рядом с собой Луиева. — Вот как приключило. Мотолов на везет вверх медленно, иногда быстрой пешкой добежал. А если машинист на каждом рейсе шесть — семь минут сэкономит, то у нас набегит лишних сорок — пятьдесят минут. Потом: мы, как винз приедем и лес свалим, перекру устриваем. На это дело минут пять уходит. А покруить можно в дороге: пока вверх тащимся, все равно делаем нечего. На этом еще полгаса сэкономим. Вот тебе и лишней рейс!

Луиев усмехнулся. Предложение было довольно странно, как это он сам не додумался. Но все же бригадир не выразил сразу своего одобрения, а спросил:

— Чего это ты, Кошмыкин, о рейсах «взбеспокоился»? Может, на свалку денег не хватает?

— Не о деньгах думаю, — нахмурился Кошмыкин, — денег мне хватить, занимать не пойду. Я думаю, что мы не хуже других: лесорубы по две с половиной нормы дают, у них девчата — стахановки, а мы что, не можем?

Луиев, подумав, поговорил с ребятами, — уже серьезно сказал бригадир.

Вагонетки приняли предложение Вани. Через два дня бригады впервые попробовала работать по новому графику. Вана волновалась, то и дело поглядывала на часы, засекая время, подсчитывая, сколько на это уходит минут. Когда вагонетка становилась под разгрузку, он быстро сбрасывал бревна со своей и бежал помогать замешкавшимся товарищам. Как только лес был сгружен, Вана первый кричал машинисту: «Готово, давай тини!» — и ревниво оглядывалась — смотрел, не ушел ли кто от вагонетки, не усеял ли на бревнышке перекрутить перед рейсом.

В первый день бригада Луиева сделала восемь рейсов. На следующий день работали так же, и вскоре новый график стал для бригады обычным. В стеной газете лесозащиты появилась заметка под заглавием «Инициатива Ивана Кошмыкина». Зинаида радовалась вместе с Ваней и даже, пожалуй, больше, во всяком случае, по ней это было заметно. Вечерами они попрежнему ходили по берегу Белой, вместе стали бывать в клубе, и Вана сказала подругам, что осенью она выйдет за Кошмыкина замуж.

Эта новость тоже вызвала в поселке разговоры. Теперь имне уже находили, что Вани заметно изменился к лучшему. Но мнение о нем резко переменилось позже, после случая, который произошёл с ним на узкоколейке.

В один из жарких августовских дней вагонетки, благополучно сделав семь рейсов, готовялись к последнему, восьмому: нагружали бревна, скрепляли их скобами, поставили боковые клинья.

— Готово? — спросил Луиев.

— Готово! — отозвались вагонетки.

— Кому что вино подвезти? — обратился бригадир к находившимся на площадке лесорубам. — Давай клади.

Лесорубы положили на бревна свои кошельки, десятник бросил на первую вагонетку, к Луиеву, моток толстой веревки. Вана оглядывалась, шла Зинаида, но она еще не вернулась с лесосеки.

— Тройки! — командовал Луиев и вынул колодку из-под колеса своей вагонетки. За бригадиром тронул Кошмыкин, за ним остальные. И покатылся вагонетки, покачиваясь и чуть подпрыгивая на стыках. Выкатились на берег Тепленькой и пошли над кручей. Тут и произошло несчастье: у Жени Луиева соскользнула с колесчатого вала тормозная ручка. Позже выяснило, что Жени сам был виноват: чекчу, крепившую ручку на валу, потерял и не обратил внимания.

И вот первая вагонетка, свободная от тормозов, рванулась и покатила вниз, набирая скорость. Кошмыкин, увидев тормозную ручку в руках у бригадира, сразу понял, в чем дело. Еще не зная, чем он может помочь Луиеву, Вана тоже отпустил тормоз, и его вагонетка помчалась вслед за первой. Замелькали деревья, беломатые стволы всеей сливались в одно широкое поле, ступень вставшее справа. Рука Вани лежала на тормозной ручке, но он не решился потянуть ее на себя. «Что же делать? Что делать?» — спрашивал он себя.

Полотно справа обжалось — кончился лесистый склон, вагонетки летели вдоль скалистой стены. Если раньше Луиев еще мог выбро-

ситься вправо, оставив вагонетку на произвол судьбы, то теперь прыгать было некуда. Полтора километра длился шаг вприпрыжку на скалах, а потом крутой поворот... Вана представляла себе, как вылетит на этот поворот вагонетка, груженная тяжелыми бревнами, как страшная сила инерции сорвет ее с рельсов и метнет в Тепленькую с тридцатиметровой кручи.

Но Кошмыкин видел, как Луиев присел и пытался ручкой надавить прямо на переднюю тормозную колодку. Ему удалось немного замедлить бег вагонетки, но вперед ручка совралась, взявша вверх и, проскочив над головой Вани, унашла в пропасть.

Пока бригадир тормозил, Кошмыкин почти достиг его. Теперь вагонетки шли так близко, что с бревен на бревна можно было перепрыгнуть. Взгляд Вани упал на моток веревки, лежащий в луиевской вагонетке, и он крикнул: — Жени!

Луиев обернулся.

— Бросай мне веревку! — Закрепляя у себя и бросай!

Бригадир понял мысль Кошмыкина: закрепляя за раму, выпрямился и, кривя моток над головой, кинул Вани. Кошмыкин также быстро привязал веревку за раму и тотчас обеими руками взялся за тормоз... Колодки все плотней и плотней прижимались к колесам, смиря их бег. Канат между вагонетками натянулся, как тетива, выдвигая от напряжения.

Вагонетки заметно сбавляли скорость, скалы уже не летели назад коричневой лентой, а бежали, давая рассмотреть свои крутые бока с трещинами. Но Вана не справился с вагонетками настолько, чтобы притормозить их и повернуть как следует. Впереди уже хорошо был виден острый выступ скалы над поворотом. Он приближался с каждой секундой... Кошмыкин всем своим телом откинулся назад, почти повис на тормозной рукоятке.

На повороте вагонетки качнуло, веревка на мгновение обмякла и, громко щелкнув, снова натянулась, как струна. Рукоять уже больше не вращал у Вани из рук, и он, переверта дыхание, немного отступил тормоза.

Зина узнала о случившемся, когда спускалась вниз с девчатами.

— Я побегу, — сказала она девчатам и помчалась.

Не разбирая тропки, Зинаида бежала, прыгая через канавы. Косынка сползла ей на плечи, курточка распахнулась, полны, раздуваемые ветром, билась, как крылья.

Добежав до поворота, она глянула вниз, где журчала Тепленькая. Вагонеток — ни целых, ни разбитых — нигде не было видно. Зинаида побежала дальше.

Только с последнего поворота она увидела в тунике у складов пустые вагонетки — все шесть. Воле жин собралась толпа, в центре которой стояли Кошмыкин и Луиев. Зинаида сразу почувствовала такую слабость, что пошатнулась, за минуту остановилась, а потом тихо пошла, не сводя глаз с Вани. Он был самым красивым из всех, что здесь стоял, таким, по крайней мере, видела его сейчас Зинаида.

Сильва КАПУТИКЯН

ДЕВОЧКА В ЛЕСУ

Она еще совсем мала:
Лет пять на свете жила.
А здесь в лесу полно чудес,
Как сказка, манит темный лес.
Откуда Оле знать о том,
Что бой гремел в лесу густом,
Что эти ямы в два ряда
Знались траншеями тогда!

И Оля дальше в лес бежит,
От мамы спрятаться спешит.
Вот яма на ее пути,
Здесь маме дочку не найти.
Откуда Оле знать о том,
Что храбрый взвод в лесу густом

В окопах двадцать дней лежал
И оброну здесь держал!

И Оля вновь бежит вперед,
Как сказка, лес ее влечет.
В другую яму забралась,
Срывая ягоды, смеется.
Откуда Оле знать о том,
Что каждый шаг в лесу густом,
Веселый путь среди цветов
Выл звал кровью смельчаков!
Откуда Оле знать о том!

Перевела с армянского
М. ПЕТРОВЫХ.

ТВОИ ЗАЩИТНИКИ

ПЕХОТИНЕЦ

Мимо дома, мимо сада
Он шагает раз, два, три...
На советского солдата
С уважением смотри.

Шапка с красной звездой
Греет в стужу и в метель.
А пальто его простое
Называется шинель.

Вот в такой шинели, Галя,
Перехваченной ремнем,
Мы когда-то в бой шагали,
Шли под вражеским огнем.

И хотя мала ты, скажем,
Чтобы все запоминать,
Но об этом детям нашим,
Я считаю, надо знать.

ТАНКИСТ

Это танк летит стрелою,
Только гул стоит вокруг.
А танкист одной рукою
Открывает верхний люк.

Открывает лючка дверцу,
Машет весело рукою.
И у Галя бьется сердце —
Танк огромнейший какой!

Люди смотрят, люди рады —
Танк готовится к параду.
Этот танк огромной силой
Может по лесу идти,
Сосны, елки и осины —
Все ломая на пути.

А как выедет на опушку,
Трудно танк остановить.
Он любую вражью пушку
Может просто раздавить!

ЛЕТЧИК

Самшен гул над головою.
Где же, Галя, самолет?
Видно небо голубое,
В небе облако плавает.

Смотрит Галя: что за штука?
Самолет уже вдали.
Он летит быстрее звука
Над ковром родной земли.

В небольшой его кабине
Боевой сидит пилот.
Он ведет в просторе синем
Краснозвездный самолет.

И, поднявшись над народом,
Переполнившим бульвар,
Рвется всад за самолетом
Голубой воздушный шар.

МОРЯК

На ремне сперкает фуражка,
Всем видна издалека.
Полосатая рубашка
Называется тельняшка.
А матросская фуражка
Не имеет козырька,
Называется фуражка
Бескозырькой моряка.
И над ней ленты вяжутся,
На ветру холодно бьются,
И взлетают, и шуршат.
А на ленте буквы в ряд.
Валсуют буквы золотые,
Людям сердце веселят.
Это буквы не простые.

Это имя корабля.
Для матроса имя это
Будет дорого всегда...
Дождь струится в час рассвета,
Глухо у берег бьет вода.
Хмури в море-океане,
Плещут волны там и тут.
Корабли идут в тумане,
Нашу землю стерегут.

Есть еще артиллеристы —
Помнишь, был салют на днях?

Есть еще кавалеристы —
Те, что скачут на конях.

Есть бесстрашные саперы,
Есть разведчики-друзья.

Есть связисты, есть шоферы —
Перечислять всех нельзя.

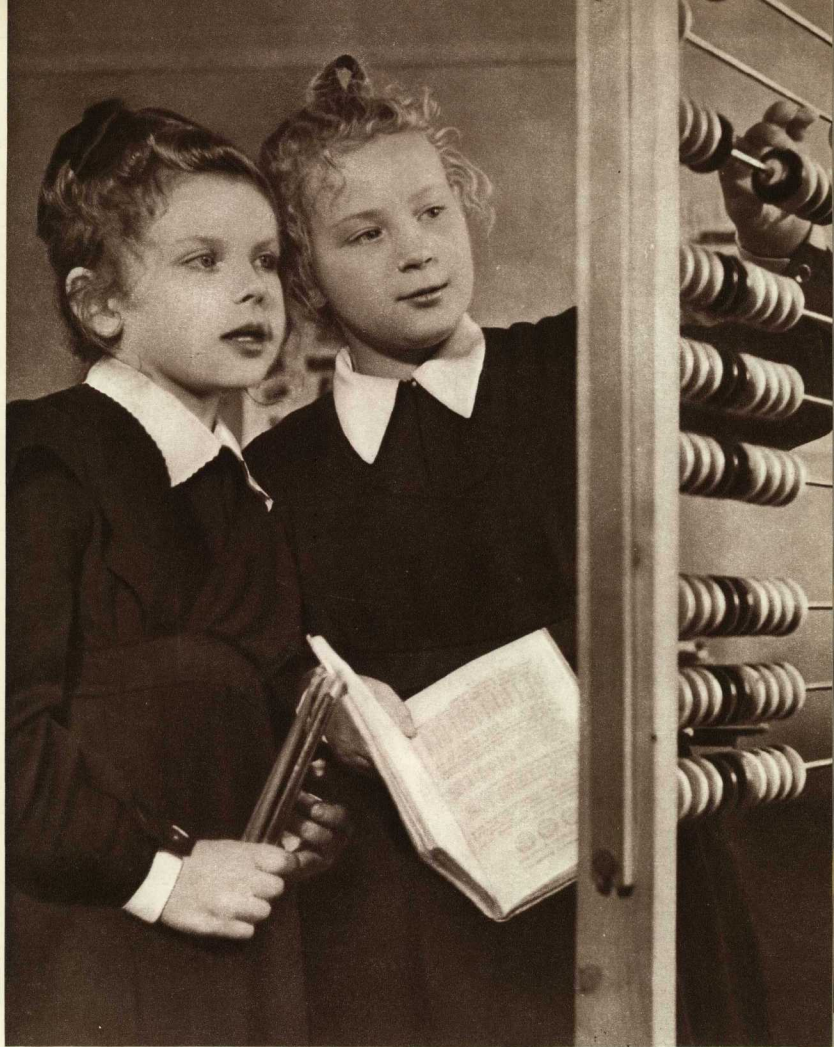

Защитят солдаты дружно
Детство светлое твое.

Ну, а если будет нужно,
Твой отец возьмет ружье.

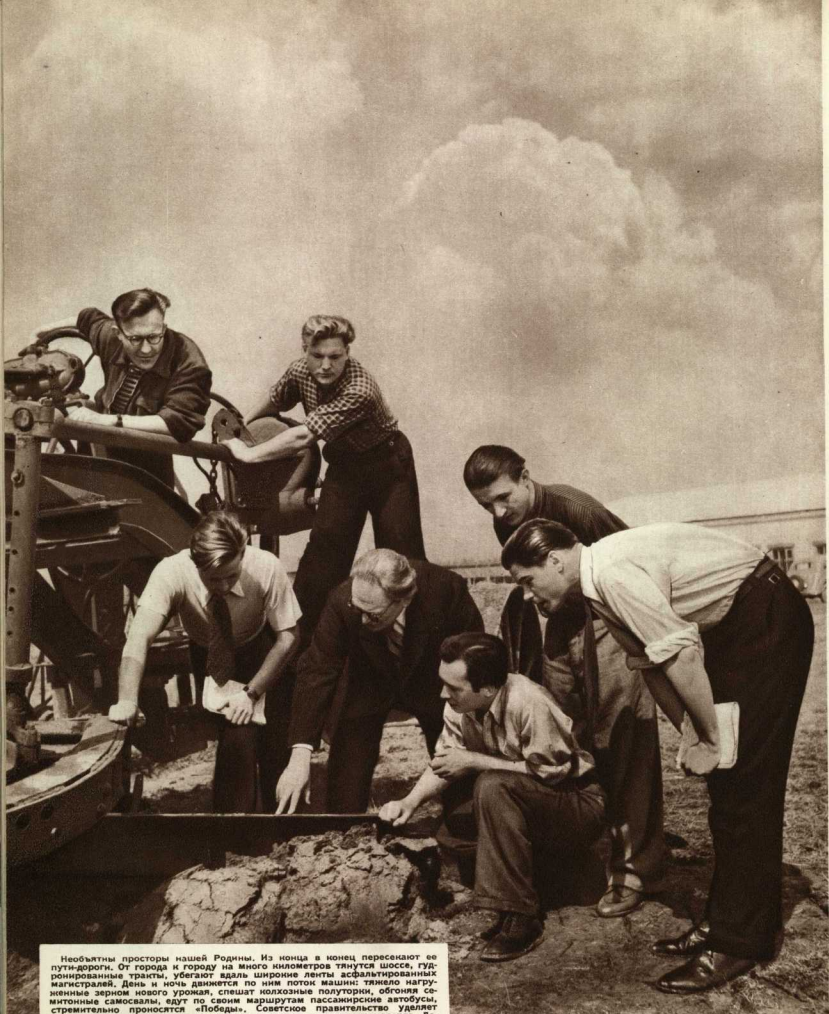
В бой пойдет, как шея когда-то,
За родимые края.

Будь спокойна, дочь солдата,
Спи спокойно, дочь моя...

— Видишь, как это просто! — говорит ученица 2-го класса 131-й московской школы Наташа Дядько, помогая первокласснице Ларисе Демачевой усвоить счет.

Фото А. Мондцова.

Необъятны просторы нашей Родины. Из конца в конец пересекают ее пути-дороги. От города к городу на много километров тянутся шоссе, гидронированные трассы, убегают вдаль широкие ленты асфальтированных магистралей. День и ночь движется по ним поток машин: тяжело нагруженные зерном вагоны, спешат колхозные полуприцепы, обгоняя самосвалы, едут по своим маршрутам пассажирские автобусы, стремительно проносятся «Победы». Советское правительство уделяет огромное внимание строительству дорог и развитию автотранспорта. Десятки высших и средних учебных заведений готовят кадры опытных специалистов для этой отрасли народного хозяйства.

В Московской автомобильно-дорожной институте имени В. М. Молотова созданы все условия для серьезной, плодотворной учебы. В распоряжении студентов новейшая отечественная техника, прекрасно оборудованные кабинеты и лаборатории. Институт имеет специальный полигон, где студенты на практике учатся применять дорожностроительные машины. На с ним и эта группа студентов механического факультета во время занятий на полигоне слушает объяснения преподавателя доцента Я. М. Пивновского.

Фото Я. Халипа.

Тепе сейчас Люда?

После летних каникул общежития Сталинградского педагогического института снова ожило. В нем стало шумно и весело.

Люда Александровой нравилась счастливая суматоха общежития. Она без стука вошла в комнату № 46, сказала: «Здравствуйте, девагата!» и поставила на стол корзину с виноградом: — Это наш, астраханский... Угоститесь!

Знакомых у Люды не было, да и все студенты смотрели друг на друга с любопытством: им предстояло теперь жить вместе. Выяснив, что ее новые подруги — студентки физико-математического факультета, Люда пошутила: — Почему-то у меня всегда так получается, что я и исключение из общего правила... С лифтака я здесь одна...

Она очень быстро сошлась со своими новыми подругами, обращалась с ними, как с давно знакомыми:

— Я за хлебом, девагата. Кому надо!

— Груня, надень сегодня мою косынку, она тебе к лицу...

— Девочки, надо вымыть полы в институтской пристройке, кто пойдет? Ты, Клава, не ходи ты сегодня ночью кашала...

И девушки, когда Люда не было дома, говорили:

— Какая она общительная, хорошая...

В институте Люда была заметным человеком. Словоохотливая, веселая, она умела внести оживление в любое дело студенческой жизни. Ее можно было встретить и на занятиях секции плавания, и в гимнастическом зале, и в хоровом кружке.

Все шло хорошо, но вскоре в общежитии и на курсе студенты стали замечать, что Люда нет, нег, да и скандал напугала. Причем, как правило, по мелочам. То она говорит, что косы, которые на ночь кладет на стул, — ее собственные, года два назад отрезанные, то вруда, выскочила, что она раздобыла их у своей теткы. То она мимолетно замечает, что давно знает Аллу; они вместе якобы жили в дачке. Но Алла только пожимает плечами... Все это вруда, — смеясь, только говорили девушкам. — Стоит ли обращать внимание!

На первых порах малую ложь Люда сплосх и рядом сличично, просто отмахивалась: «Ну, не врй же, Людэка!» и весело смеялась. Нуно ли заострять общественное внимание, думали некоторые, если человек по мелочам говорит неправду?

А Люда тем временем назначала одну маленькую неправду на другую и начинала уже привыкать к тому, что ее слегка по журят, на это она и кончалась. И вот однажды она спросила: «Зачем ты солгала, Людэка? Почему! Неужели тебе трудно избавиться от этой некрасивой привычки? Никто не побеседовал с тобой по душам... Маленькая ложь, но искренняя во-время, давая свои ростки.

Однажды Люда помарчала, накуривая свои страшничкие брови, плотно сжала губы: глаза ее сузились и потускнели.

— Людочка, что с тобой? — спрашивали подруги.

— Письмо из дому... Очень плохо с сестрой... Она сильно болеет... Наверно, мне придется ее медленнее ехать...

— Как же ты поедешь, ведь занятия идут?

тем лучезарнее становилось ее лицо.

— Как хорошо! — воскликнула Люда со свойственной ей непосредственностью. — Сестренка совсем поправилась, скоро в школу!

Но тут же осмелев, поспешно изобразила на лице печаль, потом снова виновато и глупо заумьбала...

В первую минуту в комнате во-

«С девчонками дружить не следует», — решила Люда. — Она востынная и мелочная. — Она вспоминала, что недавно один из студентов, Пята Меликов, как-то восхищенно посмотрел ей прямо в глаза. Ии, может быть, это показало? Люда ступилась на первый этаж и, постучав в комнату № 11, вызвала Петю: — Знаешь что, давай пойдем в кино...

И они стали дружить. Пята Меликов — парень тихий, астенчичный, него пара она мне, красивая и хитрая! — но все больше привязалась к девушке.

Однажды в трамвае Люда познакомилась с молодым человеком в потертой кожанке. Новый ее знакомый, Виталий, был физферды, Люда понравилась его крепкому, мужественным чертам. Они договорились встретиться на набережной. Там есть хороший садик возле летнего кинотеатра. В эту ночь Люда не пришла в общежитие.

А как же Пята? Он продолжил вместе ходить в кино, рассуждать о «Молодой гвардии». Люда говорила, что больше всего ей нравится Уля Громова — девушка правая и честная. А сама все чаще и чаще не ночевала в общежитии.

— Я сегодня у тет, — говорили она и уезжала к Виталию. Девушки решили поговорить с Людой насчету.

— Где ты, Люда, пропадеешь ночами! — спросили у нее на собрании комсомольской группы кураторы. — Дуравай ли ты о своем будущем?

И Люда истосереверчно рассказывала, что она бывает у Виталия.

— Я люблю его, честное комсомольское! И вообще в днях мы собираемся пожениться...

— Но почему же ты скрываешь, что у тебя есть хороший друг? Для чего ты из этого делаешь тайну, вместо того чтобы по-честному рассказать о своей судьбе?

Люда признала, что да, она не правда, но теперь все будет иначе. И вдруг... в Октябрьские праздники в комнату № 46 захлопнул молодой человек в потертой кожанке:

— Что, Люда не приехала из Астрахани?

— А она и не уезжала, — удивленно ответила Груня.

Оказавшаяся, Люда успела познакомиться с Колей Серовым, студентом сельскохозяйственного института. Коля был куда интереснее Виталия. Он тоже увлекался спортом, был начитан, и, главное, не предъявлял Люде никаких требований, как это стал делать в последние время Виталий. Хотя Люда и скрывала подругам, что ни с Виталием, ни с Колей письма родителем о том, что женится, но ведь в действительности этого не было!

— С Виталием все кончено, — сказала Люда в общежитии. — Мы не сошлись характером, мы с ним разные люди...

И еще через несколько дней:

Рисунки А. Паукова.

— Да я только на три дня... Вы не говорите в дачките.

Как заболитво, как трогательно снержали товарищи в дороге Люду! Студенты собрали ей на расходы двести рублей, проводили не вокзал... Но вот проходит три дня, неделя, вторая, а Люды нет. Наконец, она приезжает. Ее встречают со сдержанным возмущением: как она могла так подвести своих товарищей! Поминает ли она, какие ждут ее неприятности!

Люда стала растерянная и подавленная. Не все гласа поблескивали слезы.

— Не надо, девочки, — проговорила она. — Сестра умерла... Чуть ли не вся группа пошла в дачките с просьбой не наказывать Люду за самовольную отлучку. Ведь у нее так большое горе!

В общежитии девушки окружили Люду заботой, старались сгладить ее горе. Но через несколько дней в комнату вошла Алла Ротмистра и протянула Люде письмо. Люда вскрыла конверт и стала читать. Чем дальше читала она,

цирлюсь кисеото-наполюво, осуждающее молчанье. Как! Похороните заживо родную сестру!

Всегда тихая и молчаливая Люда Хлынина с укором сказала:

— Как ты могла... Люда!

— Девочки... Ну, вы поймите, — не переставая улыбаться, говорила Люда. — Я боялась, что меня исключат из института! Ну, поймите!

Нет, девушки не могли ее понять... И вот Люду вызывают на комитет ВЛКСМ. Да, она признает, что поступила нехорошо. Ей стыдно. Она слушает справедливые слова одноклассников... — Ведь ты, Люда, будущий педагог! Как же ты будешь воспитывать других, если сама способная на такую страшную ложь? Люда дает комсомольское слово, что это больше не повторится.

Однако после этой истории Люда огорчилась недолго. Эгоистичный и легкомысленный человек, она с той же легкостью, с какой сходилась с людьми, просто и пожелай, равнодушно теряла тех, кто в свое время пытался ее понять и быть ей искренним другом.

— Выложу замуж за Коло. Я только теперь по-настоящему полюбил...

Но характером она не сошлась и с Колей.

Люда принадлежала к тем людям, которые предпочитают потратить все свои деньги на приобретение вещей, а что будет дальше, неизвестно. Завтракать? Обедать? Как-нибудь она одолжит, или ее кто-нибудь пригласит в столовую, например, Петья Мелинов. В конце концов перекусить всегда можно. И Люда обычно «перекусывала», когда оставалась в комнате одна.

Девушки как-то заметили, что Люда пропадает продукты. И снова Люду Александорову вызывают в кабинет комсомла. Все волнует: зачем Люда тайком от подруг открывает их тумбочки? Почему она так поступает, разве у нее нет денег? Ведь она получает стипендию, кроме того ей помогает отец, председатель райисполкома в Астраханской области.

Люде надоело отвечать на вопросы. На одно из заседаний комсомольской группы она приходит с обмотанным горлом.

— Что с тобой, Люда?

Она вынимает тетрадь и карандаш и пишет: «Я говорю и не могу». Ей вновь задают вопрос, и

возьму сама, потом постараюсь верить...

К вечеру Люда пришла в обмороке в новом платье.

— Девочки, у меня пропала сوتня, — чуть не плача, говорит Алла.

В комнате начинаются поиски, и все подозрительно и напряженно следят за Людой. Она вместе со всеми ищет исчезнувшую сотню. Через два дня Люда предлагает возобновить поиски, подбрасывает сотню, но ее уличают: купюра другая — та была новая...

Конечно, Люду вызывают в кабинет ВЛКСМ, конечно, опять комсомольцы громко осуждают поведение Люды. На этот раз присутствуют и ее отец. Он плачет. Секретарь комитета комсомола Нада Штеменко говорит:

— Все поведение, а не только последний случай требует наказания Александоров. Надо поставить вопрос об исключении ее из комсомола!

Но Люда не стала дожидаться очередного собрания. Она пошла в канцелярию, забрала документы и неожиданно исчезла в неизвестном направлении. Куда она уехала, никто не знал.

В институте вздохнули с облегчением, обрадовались и в обмороке: «Наконец-то избавились!»

она снова пишет: «У меня болит горло». Тогда комсомольцы спрашивают:

— Ты что же, отказываешься нам отвечать?

И она пишет: «Я буду отвечать всем писемочком».

Так и шло заседание. Задавался вопрос. Наступило молчание. Люда писала. Ответ занычались. Это продолжалось несколько часов. А когда Люда вышла на улицу, тут же как ни в чем не бывало громко спросила вагтера, нет ли ей писем...

И наконец последнее событие. Люда решила купить пальто. В кассе заимпониции ей выдали ссуду, но ее не хватало на покупку. Нужно было достать еще немного денег. Заперла изнутри комнату, Люда открывает сумку Аллы Роткировой... Купюто-то дело секунды одна колеблется. Но потом решает: «Если я попрошу у Аллы, она мне не даст, лучше

А Люда тем временем ехала в поезд, раздумывая, куда бы ей податься. Другой — стыдно. В другой город, в другой институт!

Где сейчас Люда? В какое обмороке она теперь заходит и привлечено говорит:

— Любите виноград! Угощайтесь, девочки...

— Хочешь, я тебе заодно постряю?

— Берн мои туфли, они тебе как раз!

И девочки, когда Люды нет в комнате, делятся друг с другом: — Она очень хорошая. Добра, проста, веселая...

Не встречалась ли Люда и вам? Если встречались — все ли вы сделали для того, чтобы Люда, наконец исправилась, стала честной, правдивой?

Сталинград.

По утрам дружной стайной воспитанники Курлиловского детского дома спешат в школу.

В БОЛЬШОЙ СЕМЬЕ

Юрий ЯКОВЛЕВ

Курлиловский детский дом виден издали. На фоне яркой зелени ярко белеют его стены.

Когда я подошел к крыльцу, около которого лежали свежие дорожные ящики (вытравля ночь!), в доме царил необыкновенный тишина. Старшие ребята были в школе, младшие готовили уроки. На пороге меня встретила молодая женщина в синем халате. — Здравствуйте, проходите, пожалуйста! — сказала она, протягивая мне руку. — А Зоя Васильевна нет, она в отпуске...

Меня, признаться, несколько удивило такое приветствие — ни о какой Зое Васильевне я не спрашивал. Но, желая поддержать разговор, я поинтересовался:

— А далеко она уехала?

— Что вы! Разве может Зоя Васильевна далеко уехать, расстаться с нашим домом! На неделю в Москву выбралась.

Позднее, приглядываясь к жизни детского дома, я понял, почему первые слова были сказаны о Зое Васильевне Гусевой — заведующей этим домом. Ее присутствие чувствовалось во всем. Имя заведующей то и дело слышалось в разговорах: «Зоя Васильевна сказала... Зоя Васильевна не позволила бы...», — и звучало оно не как угроза. Его произносили с истинным уважением; о Зое Васильевне говорили, как говорят о матери в хорошей, крепкой семье.

У нас часто пишут о замечательном педагоге Алгоне Семёновне Макаренко. Но почему-то редко встречаются рассказы о его последователях, людях, обладающих необыкновенным талантом отдавать десяткам «чужих» детей всю свою родительскую теплоту — щедро, без скидок, от всего сердца. А Зоя Васильевна Гусева и является именно таким человеком.

В одной из комнат Курлиловского детского дома на стене висит

необычайная схема. Наверху, в кружочек, написано: «Общее собрание»; под кружочком в прямоугольнике — «Детский совет». От него отходят пять стрелок: «Хозяйственная комиссия», «Выходная комиссия», «Санитарная комиссия», «Культкомиссия», «Сельхозкомиссия».

Эта схема управляет домом.

Детский совет избирается всем коллективом и пользуется большим авторитетом. Поощрение совета дети воспринимают как высокую честь, высьшение — как самую горькую работу. Провинившиеся ребята нередко говорят воспитателям:

— Уж лучше вы сами меня поругайте, только не вымажьте бы со мной...

Детский совет — этот орган ребячьего самоуправления — стал замечательной школой саморитории, принципиальности, самостоятельности. Созданный по инициативе Зои Васильевны, он играет роль

Воспитательница Юлия Ивановна Артемьева работает с малышами. За ними больше всего нужен материнский глаз. Одному надо зайтивать чулок, другому принести туговок, третьему, заргустившему, прискакать. Двдидать мальчишюк и шесть девочек — вот ее команда. И все они добрыми, никого из них не оставляет без внимания и ласки эта простая, скромная женщина.

В комнату вошел крепкий, небольшого роста паренек. И хотя в глазах его играли веселые огоньки, весь вид парнишки, казалось, говорил: я человек серьезный. Подойдя к столу, он стал внимательно из карманов своей широкой куртки вытаскивать курные яйца... Мне о нем уже говорили, называя его «курным бригадиром». Это один из воспитанников Юлии Ивановны, Коля Курский.

Спитая явля, он ворчливо приговаривал:

— Два, три... Кур кормит плухо. Четыре, пять... Сегодня ланшу с кухни дали. Разве это еда для кур?... Шесть, семь... Все. Мало. Когда добит свое дело, и вышине «курного бригадира» его не только не отпугивает, а, наоборот, наполняет гордостью. Он с увлечением рассказывал мне, что ему сейчас надо пойти прибить гвоздики, переменить шест и что за последний месяц его куры съели две сотни яиц.

— Ты, наверное, будешь зоотехником? — спросил я мальчика. Он отрицательно покачал головой:

— Нет! Летчиком! Никто не знает, кто отец Коли, где его мать. Еще младшею его нашли на Курском вокзале и дали фамилию Курский, а имя и отчество — Николай Александрович. В метрике так и записано: «Курский Николай Александрович».

Коля не стал сиротой. Хорошие люди окружили его теплом и вниманием, подумали о его будущем.

Сколько в нашей стране таких детских домов, как Курковский! Они расположены в просторных, светлых зданиях, на берегах рек, вале теннисных дворов, имеют свои посиделки хозяйства, мастерские, библиотеки. Дети, оставшиеся без родителей в годы Отечественной войны, сыновья и дочери погибших воинов обрели здесь новую семью, согреты материнской лаской, обеспечены всем необходимым: хорошим питанием, одеждой, книгами, учебниками, игрушками. Десять тысяч рублей в год тратится на каждого ребенка в Курковском детском доме.

Во всем этом скрывается забота Коммунистической партии, Советского правительства и всего советского народа о детях, о воспитании молодого поколения.

Беседа с Юлией Ивановой о судьбе Коли Курского, я вспомнил рассказы о дореволюционных сиротских домах, о приютах. Первые детские дома слово «приютский» заимчивало все, что связано в нашем представлении с детством — первые радости, игры, смех. Люди, выросшие в приютах, навсегда уносили с собой такое ощущение той атмосферы, которое создавали серые, нестрианные напольники, холодные коридоры и окрики надзирателей...

Детский дом стоит на окраине села Куровлово. В его белых, сверкающих на солнце стенах свой мир налаживает жизнь, юный мир. Но этот мир множественно шит связан с окружающим его большим миром.

Есть хорошая советская традиция брать шефство над детьми, нуждающимися. Понятие «шефы» крепко вошло и в быт Куровловского детского дома. В разное время ребят то и дело слышится: «Наши шефы... Это привезли шефы... Это шефы привезли...»

У Куровловского детского дома много шефов. Они ежегодно приглашают ребят в свои пионерские лагеря, приезжают на все праздники, которые справляются в доме, дарят хорошие вещи.

Много сердечного и трогательного во взаимоотношениях шефов и подшефных.

Однажды на фабрику «1-е Мая» пришла делегация подшефного Куровловского детского дома. Главный инженер фабрики Михаил

Михайлович Федоров подошел к одной девочке и спросил:

— Как тебя зовут?

— Вера.

— А мое дело зовут Рая. Пойдем к нам в гости.

Так Вера Большакова, отец которой погиб на фронте, а мать умерла после войны, впервые попала в гости к Федоровым. Теперь она бывает у них в праздник, из каникулах, иногда в воскресенье. Сознание того, что у нее есть человек, с которым, как с отцом, можно посоветоваться, у которого всегда можно найти настоящую поддержку, придает Вере то душевное спокойствие, которое так необходимо для работы, учебы, для жизни.

Вера учится в седьмом классе. Этой весной она окончит семикласску и поступит в техникум.

— Хочу быть педагогом, — сказала она как-то Михаилу Михайловичу.

— Это хорошо, — поддержал он. — А справляешь?

— Думаю, что справлюсь. Будут стараться.

...Высоко в небе, свержая на солнце серебристыми крыльями, пролетают самолеты. Их провожают десятки восторженных ребятних глаз:

— Наши полетели!

Летчики — самые любимые шефы куровловских ребят. Они здесь полетели и в первые гости.

Когда к детскому дому подходит почтальон, ребята затихают. Каждый думает: лет ли ему письма? И какая радость охватывает того, кому приходит весточка! Почтальон колышком окружает ребята счастья. Письмо читается вслух.

Шестиклассница Надя Тотенкова — спортсменка, плавунья, общительная — сегодня особенно весела: почтальон вручил ей письмо от Сергея Александровича!

Сергей Александрович Будаев — младший лейтенант, комсорг летной части. Однажды он приехал в детский дом с докладом. Потом предложил Наде сыграть в шахматы. Нада проиграла. Зато в шахки она завла реванши. Так они и познакомились.

Нада читает письмо и радуется: ее старшего друга наградили Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ.

Т. ЖИРМУНСКАЯ

МОЯ ЗОЯ

1
Мой первый сбор, мой первый класс,
Вожатый строг нас —
И имя Зоя в первый раз,
И встреча в первый раз.

Зима, примерзшая к окну,
Суровая Москва.
В семь лет проглянеше войну,
Мы плачем в рукава.

Тогда, на первом сборе том,
Вдруг став родной-родной,
Она вошла в мой класс,
в мой дом

Сдружилась со мной.

2
И, октябренью, я стою
В читальской зале,
Я с бою книжку достую,
Где сказка о тебе.

Часто по вечерам собираются ребята у пианино.

Фото Г. Борисова.

Хорошо иметь настоящих друзей! Это знают ребята на Куровловского детского дома. И они имеют не только старых друзей, но и стали брать шефство над Подольскими довольными детским домом. В первый свой приезд, когда они привозили малышам подарки, Надя Тотенкова подружилась с маленькой девочкой, которую зовут тоже Надя.

Передо мной стопочка школьных тетрадей. В каждой из них сочинение на тему «Письмо другу». Крутыми почерком разноязычными чернилами пишут ученицы шестого класса о своем звантом, о своей мечте. Не все они обладают даром образно и живо излагать свои мысли и чувства, не все могут четко и убедительно изложить то, что их волнует. Но не в этом дело. Главное, что сквозь сухие строки сочинений, где, помимо всего прочего, очень важно не сделать грамматической ошибки, ясно проступает большая уверенность в том, что заветная мечта обязательно осуществится.

Открываю тетрадь Нади Тотенковой.

Юлия, ты спрашиваешь меня, кем я буду, когда окончу семь классов. Моя мечта — стать садоводом, чтобы разводить сады на Севере, на Алтае, а также выводить такие сорта фруктовых деревьев, какие выводит великий преобразователь природы Иван Владимирович Мичурин. И свою мечту я осуществлю.

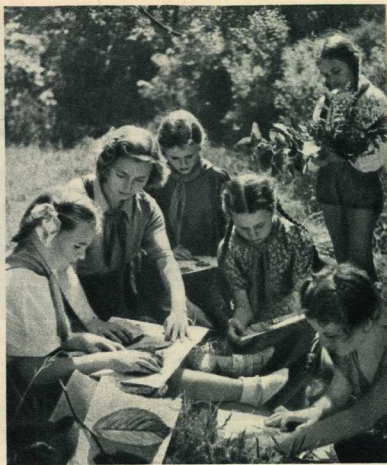
Читаешь эти строки и невольно думаешь: откуда пришла к Наде эта мечта? Но стоит пройти по саду, окружающей Куровловский детский дом, и сразу найдется объяснение. Кусты смородины и белые стволы абрикос, ряды клубники и малины, розовые домики ульев — все это создано руками ребят, впервые зашло, впервые дало урожай на их глазах. Во всем этом цветущем мире есть немалая доля и надю твоего.

Однако не все сажающие деревья и полоние грядки думают стать преобразователями природы. Юра Калугин и Боря Котляков мечтают водить корабли. «Я хочу стать артисткой», — пишет в своем сочинении Тамара Соина. Разнообразны и ярки мечты у детей семьи Куровловского детского дома.

Часто по вечерам собираются ребята вокруг Зои Васильевны и вспоминают о своих старших друзьях, бывших воспитанниках детского дома. Вспоминают Шурку Жирмунку, который учится в мужественном училище, Мишу Гусарова, ставшего фельдшером, вспоминают студентов различных институтов: Лено Гринушу, Надю Большакову, Валентину Тумалову, Аликс Будакина и многих, многих других.

На леса и поля опускается вечерний вечер. Уже лучи заходящего солнца соскользнули с белых стен дома. Издалька доносится поэта.

Вся семья в сборе. Большая, набегавшаяся, припущенная по вечер. Младший клочок ко плу. А задумчивая беседа не смолкает. Легко на сердце у ребят. Далеко вперед уносит их мечты. Любят из них может быть спокойным за свое будущее.

ПИОНЕРСКОЕ *лето*

Фото А. Моклецова.

Отзвенел последний звонок
двери открылись. Впереди — лето.
Сильно увлекательного су-
дой школе пионеры горючо об-
пешают в санатории, другие в
ствия. Ученики Кавалеровской
совершить многокилометровый
совпадает с тем путем, по кото-
го Востока В. И. Арсеньева.
Но большая часть советских
лагерях.
В ясное утреннее возду-
Быстро выстраиваются широчай-
шечный флаг — и день лагеря на-
Много интересного для УР
отряд уходит на экскурсию в
новыми образцами. Члены не
учатся вырезать по дереву,
ний — чья модель пролетит дал-
Хорошо в жаркий полдень не-
чего солнца! Лучший отряд ла-
иногда сладкие супы, и да-
В этом году вновь тысячи
бираться новых сил для учеб-

и успешно сдали экзамены. Школьные коридоры наполнились канюками.

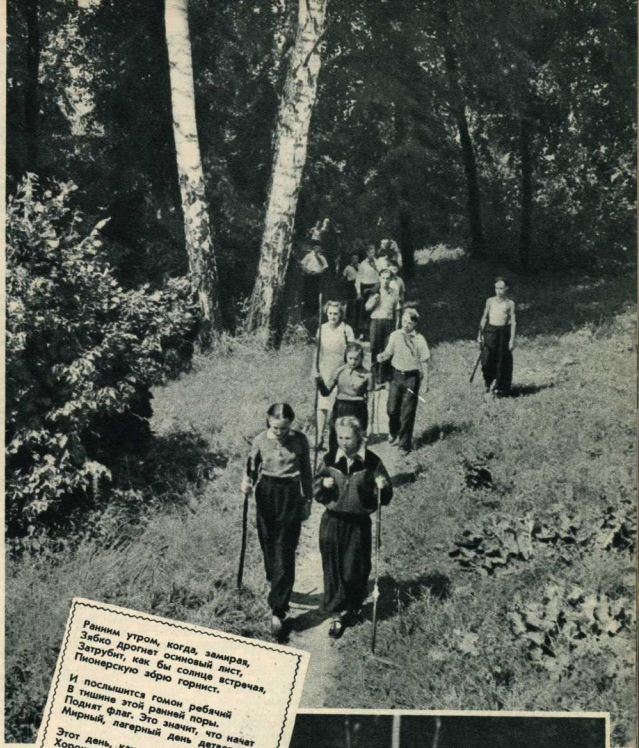
В эти свободные от учебы дни Почта в канюках, как лучше провести каникулы. Один отправляется в заманчивые туристские путешествия в далекий Приморский край, решив совершить экспедиционный поход. Выбранный им маршрут торжественно одобряет исследователь Дальневосточных школников, проводя лето в пионерских лагерях.

Вместо привычных звуков горна. Подъем! На высокую мачту взмывается юный альпинист. За ним следуют другие ребята. На вершине мачты взвизывает юный альпинист.

Вместо привычных звуков горна. Подъем! На высокую мачту взмывается юный альпинист. За ним следуют другие ребята. На вершине мачты взвизывает юный альпинист.

Вместо привычных звуков горна. Подъем! На высокую мачту взмывается юный альпинист. За ним следуют другие ребята. На вершине мачты взвизывает юный альпинист.

Идет пионерское лето!

Ранним утром, когда, замирая,
Забьют дрогнет основый лист,
Затрубят, как бы солнце встречая,
Пионерскую зорью горнист.

И послышится гомон ребячий
В тишине этой ранней поры.
Поднят флаг. Это значит, что начат
Мирный, лагерный день Детворы.

Этот день, как всегда, интересен.
Хорошо до знакомой реки
Пробираться незнакомым лесом
Сквозь кустарник сухой, напрямик.

Хорошо самолетов модели,
Словно белых ручных голубей,
Залететь в облака, чтоб летели
Над простором пшеничных полей.

На песке ослепительно белом
Хорошо полежать в тишине,
Чтобы лето, лоснясь, фронзовало
Круглый год на прогретой спине.

Но уже опускается вечер,
Осторожно, прохладен и мглист.
Приподняв загорелые плечи,
Сбор трубят босоножный горнист.
Федор СУХОВ

ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

НА ПРИСТАНИ

На пристани сутками жарко
В хорошую пору, когда
Подвозят пузатые баржи
Осенние грузы сюда.

По забитым мосткам торпедолов
Веселье парни снуют,
Пыльцою покрытые сливы
В скриньках корзинах несут.

В трехтонку, а раздавшийся кузов
Со смехом бросают с руки
Чугунные ядра арбузов,
Капусты тугие вилки.

И кажется, солнце погасло —
Такая висит дымка.
Вода, как разлитое масло,
Лениво толкает борта.

РОЖЬ

Ты идешь, в поля свои влюбленный,
А поля и в день не обойдешь!
До земли степенные покосы
Прядь тобой отхваченная.
И усасть колос разминая,
Ты — счастливый —
Не отводишь взор:
Не зерно,
А роспись золотая —
Хоть в чеканку на монетный двор!

БРУСНИКА

На рыжей, в багульнике, кочке
Как будто постлали ковер:
Брусники тугие источки
И ягоды, как на подбор.

Висят, тажевая, кистями,
Июльского солнца полны.
Казалось, прикрой их руками —
И будут светиться они.

ВЕЧЕР

День кончен — ночь шатром
спускается,
В заливе тонет луч зари.
В волнах томительно шатаются
Шаланда рыбацких фонарей.

Шаланды спят, как будто вросшие,
В никеираванной воде.
Чуть свет — уйдут они за ношами
Настрену утренней зведы.

Владимир ПОПОВ

ОШИБКА МАРИИ ГРЕВЦОВОЙ

Отрывок из романа «Закрипела сталь»

Мария Гревцова пользовалась в польско-немецком управлении хорошей репутацией. Строгая, тихая, исполнительная, она старательно работала: выдавала и регистрировала паспорта больше, чем две другие сотрудницы паспортного отдела. Ее ценили и как переводчицу. Мария прилично знала немецкий язык, и не раз начальник полиции, бывший бухгалтер промартели, при разговорах с гитлеровцами пользовалась ее услугами.

Тщательная проверка ее прошлого показала, что в комсомоле Мария никогда не состояла, активностью не отличалась. Правда, она была дочерью рабочего, но при поступлении в полицию не скрывает этого.

Чтобы убедить начальство в своей преданности немецким властям, Мария неоднократно раз задерживала по указанию подпольщиков паспорта людей, не угодных подпольской организации, и под предлогом их политической неблагонадежности отказывалась ставить штамп перерегистрации. В последнее время работа у Гревцовой усложнилась. Сашка все чаще приносит ей на дом паспорта подпольщиков. Спрятать документы на груди, Мария брала их с собой в полицию и украдкой штамповала, радуясь притоку новых людей в подполье.

Будучи человеком предостережительным, Мария всегда хранила у себя несколько блянок ночных пропусков, и не раз они выручали ее.

Все шло хорошо до одного злополучного вечера.

Помощник начальника русской полиции устраивал пышную свадьбу своей дочери с офицером гестапо. Торжественный церемония бракосочетания состоялась в лютеранской церкви, и многие гости, в том числе и Мария, вместе с женихом и невестой прямо отсюда отправлялись в большой особняк.

Длинный стол был уставлен всевозмож-

ными яствами. Исконные русские блюда перемежались с большим ассортиментом немецких консервов. Были вина, пиво, шампане.

Пока подходили новые гости, невеста с гордостью показывала Марии убожество своих апартаментов. Вряд девушка привлекла денежные картины, среди которых был подлинный Айвазовский. «Букет хризантем» Коровина, «Улыбка сценки» Владимира Маковского, миниатюра «Кресты-дощечки на раме картин» Айвазовского Мария поняла, что полати принадлежало какому-то музею или Дворцу культуры. Она неплохо рисовала сама, любила живопись, рабралась в ней и поэтому задержалась у немцакого произведений, аμβует точнейшей гаммой красок, такой характерной для кисти чудесного мариниста, умешного передать холодную прозрачность и стигизацию силу морской волны.

«Недолго будете наслаждаться награбленным!» — с ироничеьей глумала Мария, слушая глумный лепет восторгавшейся своим приданым невесты.

Мария спросила:

— Вы, конечно, после войны уедете с мужем в Германию?

— Да, уедем, но inevitably. Потом будем жить в России. Курт беден, а запросы у него огромные. Здесь же будет же развернуться. Только вот что-то тревожно на фронтах стало. Как вы думаете, возвратятся большевики?

— Боясь, как бы это не случилось, — сказала Мария и сокрушено вздохнула.

Алицо невесты мгновенно поблекло:

— Ах, это было бы ужасно! Представляете, как трудно все пережить! Впрочем, Курт устроен. Вам нравится мой муж?

— Да, очень. Настоящий джентльмен, как и заграницных фемалл.

Невеста была так польщена комплимен-

том, что представила Марию жениху и гостям, как лучшую свою подругу.

Ввиду того, что свадебное торжество почти своим присутствием Гейзен, сниженный в должности и низкий на место погибшего при взрыве в гестапо фон Штаммера, состав гостей был строго подобран: со стороны отца невесты — служащие полиции, со стороны жениха — гестаповцы.

Соседом Марии за столом оказался Браух — немецкий офицер в чине лейтенанта. У него были выщелые белокурые волосы, мягкие мечтательные глаза и холеная, как у девушки, кожа. Он очень ухаживал за Марией, называл ее Морген, многозначительно говорил, что ему нравятся русские девушки и что он тоже обязательно женится на русской, только до сих пор не нашел себе невесты.

Первый тост за счастье новобрачных провозгласил отец невесты. Он обратил уже пронзительный и второй тост, но его небрежным жестом остановил Гейзен и, поприветвав Гревцову переводить введ за ним каждую фразу, размерено начал:

— Вот вы подыли бокса за счастье, — он всажно поклонился отцу невесты. — А что такое счастье, с моей точки зрения? Счастье — это покой, покой и уверенность. Уверенность в том, что и сегодня, и через год и до конца своих дней я буду жить в своем собственном доме, пользоваться комфортом. Я должен быть уверен в том, что каждый день ровно в девять часов утра жена подаст мне чашку кофе со сливками, в четыре часа дня накормит вкусным, сытным обедом, а вечером и смогу заняться развлечениями. Я должен быть уверен в неземности уютнонаполненных нами раз и навсегда порядков. Есть люди, которые говорят, что счастье — борбь. Это фальшь. Большевики утверждают, что счастье можно дать всем. Это утопия. Счастье — это власть, а власть — уда избранных.

И то, что долает сейчас Германия в России, это и есть борьба за счастье избранных своего народа и его любимцев, — Гейзен гаитинным жестом показал на сотрудников полиции. — Мне нравится хозяин этого дома как человек, но к нему как к работнику полиции аппарат гестапо и я в том числе имеем большие претензии. И мы и все русские гости, — гитаровец остановил на каждом русском коронный пенциальный взгляд, — с большим воодушевлением выпил за счастье новобранных. Но ни у них, ни у нас для счастья нет главного — покоя. Я не могу с наступлением темноты спокойно ходить по городу, не рискуя жизнью. А почему? Потому что вы, господа служащие полицейского управления, плохо боретесь за наш новый порядок. Днем повелевали в городе мы с вами, а ночью партизаны. Только подумать, сколько было причинил они! Вы плохо работаете, господа, вы забываете, что, помогая великой Германии, вы спасаете и самих себя. Вы наши глаза и уши. Так пусть же эти глаза лучше видят, а уши лучше слышат! А твердых рук у нас в гестапо достаточно, — он подвиг бокал и стал чокаться с гостями.

Во время этой длинной тирады отец невесты сидел красной, как вареный рак, и беспрерывно вытирал потное лицо. Нагота и гестаповцы он не видел. В этот вечер, но никак не ожидал услышать выговор сегодня. Он давно побывался за свое место и браком дочери решил упрочить положение. Он попытался пробормотать что-то в свое оправдание, но Гейзен прервал:

— Довольно болтать, надо уаучинать оперативную деятельность.

Сидевший напротив Марии начальник политического отдела полиции был уже изрядно пьян, чувствовала себя смелее, чем обычно; он решил снять со своих сослуживцев долю вины.

— Активность партизан, — сказал он, слегка пошатываясь и проливая вино на скатерть, — находится в прямой связи с успехами германской армии. В русских потешнях в районе Донбасса — и теперь станет тише. Я думаю...

— Осе! — крикнул Гейзен. — А когда дом гестапо взорвался? А бензобаки у вокзалов? А заперещания на зав?

Испуганный полицай выскочил из-за стола и исчез. Больше он так и не появился.

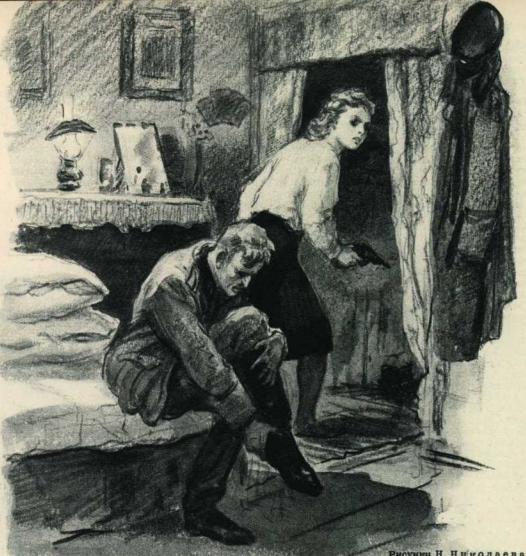
Гости пили «за победу великой Германии», «за процветание нового порядка», «за здоровье фюрера»... Мария дотелась уйти отсюда, чтобы не слышать этих тостов, но она решила выдержать все до конца, тем более что ухаживавший за ней Браух внимательно следил за каждым ее шагом.

Когда пьяная компания встала из-за стола, Мария выбежала на веранду и прислонилась разгоряченной щекой к запылевшему столбу.

Огромная луна только что поднялась над горизонтом и неподвижно замерла, как бы застыла в воздухе в косяках коньков ледяного крыша мартовского цеха. «Даже луна сейчас, как пленница за решеткой», — подумала Мария, с грустью вспоминая о своих недавних мечтах. Накануне войны она должна была держать экзамены в вуз, посвятить себя изучению небесных светил. Этот таинственный мир привлекал ее внимание еще в раннем детстве, когда она посмотрела кинофильм «Азита» — о полете на Марс. Детский мир Марии возмужал, и жизнь на Марсе как правду. Когда Мария повзрослела и узнала, что ученые еще не подтверждают, а только предполагают наличие живых существ на Марсе, она загораевалась мечтой добраться до истинных источников исследования далеких романтических миров.

И вдруг все рухнуло. Война, оккупация... Началось страшное существование. Только сознание, что она приписот пользу подпольной организации, и надежда на скорое возвращение привычной ей жизни поддерживали ее душевные силы.

Контрастнее всего гитаровцев в районе Харьков — Донбасс было для Марии страш-

Раушин Н. Николаева.

ным ударом. Казалось, не хватит сил жить дальше, но надо было жить и бороться.

Дверь скринула, и на балкон, пошатываясь, вышла Браух. Он шумно вдохнул из себя воздух, подошел к Марии и попытался обнять ее. Девушка вырвалась и вернулась в дом.

В зале под звуки патефона кружились две пары. Хозяин дома, маленький, коротконогий, танцевавший со своей дородной подвоникой. Невеста, закатив глаза, в упоении прижималась к своему жениху, а он холодно, безразличным взглядом следил за бутылками, рассеившимися на стульях вдоль стен. В соседней комнате был организован кофеи, где гости стояли могли проглотить рюмку водки и закупить крохотными бутербродами, которые приготовила сама жена.

В передряке между танцами Мария, считая, что долг вежливости ею выполнен, подошла к хозяевам проститься. Стоявший рядом с ними Гейзен поблагодарил ее за хороший перевод его речи и предложил перейти в аппарат гестапо на должность переводчицы. Девушка пообещала подумать, решил предварительно согласовать этот вопрос с Сердюком.

Выйдя на улицу, Мария быстро пошла по тротуару, раздумывая над тем, насколько выгодна будет подпольной организации ее новая служба. Ведь она сможет разведывать все, что делается и что замалчивается в гестапо!

Навстречу ей пошла патруль из трех солдат, проверяла документы, прогук и удалилась. Шаги солдат еще не успели затихнуть, как Мария услышала другие — торопливные, приближающиеся. Оглянувшись и увидела двух офицеров. Один держалсь поодаль, другой приближался к ней. Это был Браух.

Подойдя к Марии, он обнял ее за талию и сразу же попытался свалить в снег. Гитаровец был пьян, а Мария ловкая и увертливая. Ни угворивать, ни кричать она не собиралась: если даже патруль и подойдет, то солдаты в лучшем случае посмеются и уйдут, а может быть, и помогут своему офицеру. Когда Браух, вывихившись из сна,

на мгновение оставил ее в покое и прислонился к дереву, Мария хотела бежать. Но едва она сделала несколько шагов в сторону, как офицер выхватил из кобуры пистолет и прицелился. Гренцова увидела перекошенное от бешенства лицо. «Убейте. Ну и пусть лучше убьют, гадина!» — решила она.

— Ложись! — Браух показал пистолетом на снег.

Мария пошла на хитрость.

— Идемте ко мне, — предложила она.

— Далеко?

— Нет, вот там, — она показала рукой на небольшой белый домик, залитый лунным светом.

Лейтенант подумал, сиула пистолет в кобуру и пошел за ней.

Дверь открыла мать Гренцова. Увидев дочь с гестаповцем, она ошарашилась и стала тихо плакать. Мария отстранила ее, ступила в темный коридор. За нею, спотыкаясь, прошел лейтенант.

В столовой Мария зажгла лампу, показала лейтенанту на дверь в свою комнату. Он прошел с торжм видом победителя, повола на комод кобуру с пистолетом, повесила на вешалку шинель и, уевшись на белоснежное покрывало, пригласил ставивать фронтовские, с очень узкими голенищами сапоги.

Мария присела на стул, сбросила ноги вместе с туфлями и вдруг, уловив момент, когда внимание Брауха было поглощено застрявшей в голенище ступней, схватила кобуру, одним прыжком выскочила в столовую, затем в коридор и прижалась к углу, откуда ей была видна дверь ее комнаты. Она уже держала палец на спуске и приготовилась стрелять, если Браух бросится вдогонку. Но прошел несколько минутных секунд, и Мария неожиданно дала себя увидеть, как заложилась дверь ее комнаты, и услышала грохот. «Забаррикадоваться комодом», — подумала она и, испугавшись, что гитаровец уйдет в окно и поднимет шум, забыла всецело осторожность, вошла в столовую и стала прислушиваться. Из комнаты не доносилось ни одного звука.

Девушка стала открывать. Выйти во двор и караулить его она? Но он может выскочить в столовую и уйти. А если выпрыгнет в окно? Не станет же она стрелять во дворе. Звук выстрела тотчас привлечет патрулей, и тогда уже не уйти... И вдруг пришла самая простая мысль: бежать в гестапо, сдать пистолет дежурному, пожаловаться на Брауха, а утром все объяснить Гейзену, и тогда в ее судьбе ничего не изменится, она сможет работать переводчицей.

Не спуская глаз с двери, Мария стала торопливо одеваться. Старенные боты никак не застегивались, пуговицы пальто не лежали в петли, и она уже собралась бежать так, решив, что ее небрежный вид только придаст больше достоверности всему, но в этот момент до ее напряженно-го слуха донесся странный звук, и она сообразила: гитаровцы вынимали земную раму в окне. Через минуту он уже мог поднять тревогу. Скажет, что сама привела, стацила оружие, пыталась убить. Тогда не оправдалась ее.

Окно в ее комнате находилось немножко наискосок от двери, и Мария, дрожа всем телом, как в лихорадке, выстрелила несколько раз подряд в фианенку, слабо веря в то, что улетит поспать в Брауха.

Оглушенная выстрелами, она не слышала, что делалось в ее комнате, не различала даже шагов приближавшейся матери.

— Убила! — тихо вскрикнула женщина и перекрестилась.

— Боюсь, что просто притих, — прошептала Мария и, ухватя мать в коридор, затворила ее.

— Одевайся, да поскорее, поскорее! Уходим.

Не переставая прислушиваться, на ходу набрасывая платок, девушка бежала в кладовую, разбрасывая под порожек грязные списки полицейских. Когда она вышла во двор, захватив также библичку с керосином, мать уже ожидала ее.

— Уходи дворами, спрячься убо до рассвета в какой-нибудь уборной, а там к бабушке в Ясиновку, — приказала она матери, и облив ее валики керосином, коротко объяснила: — Чтoby собаки по следу не пошли.

— А ты, доченька? — всхлинула женщина. — Боже мой, боже мой, что ж теперь будет?

— Я к партизанам, — тихо сказала Мария и подтолкнула мать. — Иди!

Мария быстро зашагала по улице. Надо было скорее удалиться от дома и до рас-

света добраться до тоннеля, который вел в подземное хозяйство Сердюка.

Насмерть перепуганный Браух просидел в комнате до утра, забившись в угол, боясь пошевелиться.

В доме стояла тишина. Чтoby проверить, есть ли еще засада, он ступил с ноги сапог, который так и не снял до конца ночью, и бросил его в окно. Пошмыгав стекла, но за дверью было попрежнему тихо. Отодвинув комод и пройти через дом он не решился.

Осторожно высунув из окна голову,

Браух осмотрел двор, оделся, заступил в кобру палатнику штеку, чтoby отсутствие пистолета не было замечено посторонними, и почался к Гейзену.

Начальник гестапо выслушал его и рвущийся рапорт очень хомодно.

— Вы идите! — резюмировала он. — Русские говорят, что дураков и в церкви бьют, а идиотов — это уже и делаю вывод, — идиотов и в постели стреляют. Нечего ме-

ня уверять, что она партизанка. Она честная девушка и решила вас проучить. Сможете убедиться — придет и принесет оружие. А вдобавок и я вас проучу, — и Гейзен приказал посадить Брауха под арест.

В эту ночь Мария так и не попала к Сердюку. Уже светало, когда она добралась до окранных гордов. Идти дальше было рискованно: кто-нибудь мог увидеть. Выбрав один из брошенных домиков, она нашла вход в погреб и, с отращиванием выдыхая затхлый воздух, улеглась у стены на куче сырой, полуотсыревшей соломы.

Положение становилось опасным. Обнаружить ее здесь могли только благодаря какой-нибудь неслепой случайности, но если задержат патрули, то пропуск теперь не выручит, так как ее, очевидно, уже ищут по городу. Оставалась единственная надежда — выскользнуть ночью незаметно в степь: ночами гитаровцы обычно по степи не рыскали.

Весь день Мария провела в полудурном состоянии. Несколько раз она слышала во дворе голоса и замирала от страха, пока не выясняла, что это играли мальчишки. Если они даже и зайдут в погреб, то не страшно. Не выйдут, — решила она. — Знают: раз человек прячется, — значит, спит.

Дождившись, пока окончательно стемнело, она отрянула пригнущую к пальто солому и выглянула на улицу. Нигде ни души. Она вышла в степь, обогнула город и вскоре уже очутилась в тоннеле.

В каком направлении идти, Мария не знала, а если бы и знала, то в темноте все равно сердюковское убежище не найти. Она зашла погулаже и за поворотом наткнулась на доску, уложенную на кирпичцах. Здесь спуска много чатов се обнаружил Павел, который шел к выходу подышать свежим воздухом.

— Сплоховала, — заключила Сердюк выслушав Марию. — В таких делах нередко ренают секунды. Как только ты услышала, что фриц забаррикадировался, нужно было немедленно бежать в гестапо, и оправдаться там, и все эти фактами доказала все свое право, тем более, что Гейзен к тебе расположен. И мы имели бы в гестапо своего человека. А теперь... отправь у нас здесь в полиции его нет.

— Все равно я бы там не выдержала, — отвечивалась Мария. — Присутствовать на допросах, пытках, избиениях... Это выше моих сил, Андрей Васильевич.

В ответ Сердюк только грустно вздохнул.

С. БАТАЛ

ПЕРВЫЙ ПОЛЕТ

С инструктором и сегодня впервые сажусь в кабину. Он делает знак рукой — веду на старт самолета. Земля бежит под ногами, сейчас я ее покину. Друзья, завидя втайне, глядят на первый полет. И, отчего не знаю, я чувствую на мигновое все свою тяжесть земную, и сердце жалеет в груди. Как быстро мы поднимаемся! И я вырываюсь в движение, и вот мы уже над облаком, восход горит впереди. Кажется, дно навстречу мой самолет стремится. Тень крылатой машины стелется по траве.

Голуби пролетели... Что ж вы молчали, птицы, что это так интересно — парить, как вы, в синеве? Земля, как круглое блюдо, горы, словно морщины. Ползет игрушечный поезд, ничтожко вьется путь. Зеленым бархатом темным укрыты винту долины. Река Урал, словно змея, — можно перешагнуть. А горд — одно удивенье, знакомый и незнакомый. Выстроены по порядку спичечные коробки. Неужто и я живу здесь? Я делаю круг над домом... Выть может, отец мой смотрит наверх из-под руки.

Пальму облака навстречу, движется фронт грозовой, блестящая молния бланки, и огрывается грозой. Я поднимаюсь выше... Но вот уже солнце снова... И мы направляем машину на аэродром. Благополучно сели. Земля мне кажется зыбкой, еще не затих в ушах моих мотучего гула шквала. И, радуясь и торжествуя, но в глазах скрывается улыбка, пришла и домой, сияя, и сына поцеловала.

Перевел с татарского
Т. СТРЕШНЕВА.

Советские летчики за последние годы завоевали немало мировых рекордов. Большинство из них установлено спортсменами, недавно пришедшими в аэроклубы с фабрик и заводов, из студенческих аудиторий. Особенно больших успехов добились парашютисты. Все мировые рекорды по этому виду спорта принадлежат нашим соотечественникам. Заслуженный мастер спорта Валентина Саливерстова, совершив ночной прыжок, пролетела, не раскрывая парашюта 8 326 метров, москвич Павел Сорниеню пролетел 9 720 метров и только тогда дернул нитью парашюта. Оба достижения являются мировыми рекордами. Мансийский школьник Евгений Борисевич сконструировал модель самолета, которая пролетала 378 километров 656 метров. Это был еще один мировой рекорд, установленный советскими авиаделами. Наша молодежь полюбила авиационный спорт, воспитывающий смелость, отвагу и находчивость. Все больше и больше юношей и девушек приходит в аэроклубы и на планирные станции. На смену опытным мастерам растет талантливая молодежь.

На верхнем снимке: Группа спортивных самолетов «Як-18», ведомая заслуженным мастером спорта Яковом Форостеню.

Слева внизу: Художница студии документальных фильмов первокурсница Инесса Коняева после прыжка с парашютом.

Справа внизу: Команда авиамоделлистов Московской области — победительница всесоюзных соревнований.

Фото В. ТЮКОВЕЛ.

Точнее Я не стал МИЛЛИОНЕРОМ

Рассказ

Фридрих Вольф (1886—1953 гг.) — известный немецкий писатель-антифашист, лауреат Национальной премии. Рассказ «Точнее Я не стал миллионером» на русском языке публикуется впервые.

С двенадцати лет я уже начал интересоваться прикладной химией, то есть собственноручно изготовлял различные хлопюшки, всевозможные чернила и тому подобные занимательные вещи. Но этой причине, не говоря уже о ряде других, я считался странным ребенком. И вот мой дядя, славившийся на всю округу добродетельностью, решил сам заняться моим воспитанием.

Дядя Юлиус, верзача с руками грузчика, владел небольшой суконной фабрикой. На его предприятии ни у кого не было ни одной свободной минутки, не было известно также ни одного случая воровства. Да и не могло быть: с самого утра до позднего вечера дядя расхаживал по цехам, следя за всем и всяким.

Железная дисциплина царила и в его доме. Добрая дюжина будильников каждую минуту напоминала присутствую и хозяевам о твердо установленном расписании дня. Ничто не должно было здесь

в первое же утро поспешно угостить меня своими принципами и взглядами на жизнь.

За завтраком мы сидели друг против друга. На столе передо мной стояла порция масла и меда. Я намазал себе кусок хлеба маслом и хотел еще сверху положить меду — я привык так делать, когда ем у своей доброй бабушки. Дядю дядя дал железной хваткой зацепилась в мою руку.

— Нет, дядя.
— Это человек из Америки, у него денег в банке больше, чем на твоей голове волос. Ему принадлежат целые города, нефтяные промыслы, железные дороги, фабрики и школы.

Школы меня совершенно не интересовали, но железные дороги и города с домами, выпротив, возбудили мое любопытство. Поэтому я спросил:

— Да, дядя.
И дядя продолжал с увлечением:
— А ты вот выбрасывай коробки! Поэтому у тебя никогда ничего и не выйдет!

В один из следующих дней дядя Юлиус продемонстрировал мне практическое применение своей теории. Зажав сигару в зубах, он вытиснул из коробка обгорелую спичку, зажег ее от огня в камине и пражурля. Насколько я понял, так нужно было поступать всегда, чтобы хоть чего-нибудь добиться в жизни. Но все же у меня возникло подозрение, что здесь что-то неладно. А так как я был любопытным мальчиком, то вполне естественно, что на следующий день спрятались в комнате напротив дядино мастерской.

Оттуда я увидел, как дядя сунул себе в рот сигару, потом, не долго думая, пражурля, к своему удивлению, совершеною новой спичкой о коробок, а когда она почему-то не загорелась, взял другую, третью... Так вот как выглядела в действительности правда о возмозможности стать миллионером! Можно ли вообще после этого верить взрослым?

Однажды дядя заметил, что я «пошу траур» под ногтями. В связи с этим он прочитал мне целую нотацию и объяснил с мрачным видом, что если не следить за ногтями, то они совершенно поверзуют, зарастут заусеницами, и тогда человек неминуемо должен умереть. Немного спустя полмиллиард вахмистр Денес схватил меня на улице за то, что каменья, которым я запустал в своего друга Жоржа, почему-то попал в большое зеркальное стекло моего окна. Тщетно пытаясь освободиться из стальных объятий бюлестителя порядка, я увидел вдруг, что югги господина вахмистра совершенно заросла заусеницами, и, несмотря на то, он был жив.

Все лужи! Все, что мне втолковывала дядя Юлиус,—простое явдательство. Да, тут надо было что-то предпринять!

Из своей маленькой лаборатории я взял пузачек, содержимое которого, если влить его в кастрюлю-индуй шел, несколько дней подряд будет отравлять весь дом запахом тухлых яиц. Я соорудил пузачек возле порога дядиной спальни. Ужаснейшее аловоние распространилось по всему дому. Целых две недели мы чудесно прожили в одной из гостини городов.

Я мог бы также через некото-

— Есть хлеб с маслом и медом,—промолила он сурово,—можно позволить себе лишь тогда, когда приобрешешь по крайней мере два дома.

— Неужли мне придется так долго ждать, дядя?
— Конечно.

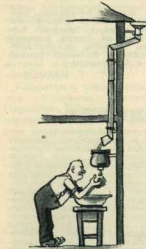
И тут мне стало ясно (дядя Юлиус считался в семье очень толковым человеком), что я должен как можно скорее приобрести себе два дома — ведь тогда я смогу без всяких угрызений совести есть бутерброды с медом! Но как это сделать, когда тебе всего лишь двенадцать лет?

По всей вероятности, дядя Юлиус догадался, над какой проблемой я бился, так как, проглотив огромный кусок хлеба с маслом и медом, пристально посмотрел на меня и сказал:

— Я вижу, Фриц, что тебе воспитугаи, как дивное зверья, без всяких принципов. Если ты хочешь чего-нибудь в жизни добиться, то должен всегда поступать, как старик Рокфеллер. Ты знаешь, конечно, кто это такой?

— А как же он начал собирать свои миллионы?

— Как начал?—процентал дядя таинственно.— О, старик Рокфеллер начал всего-навсего с пустой спичечной коробки! Да, да, с обыкновенной спичечной коробки. Сначала он подобрал на улице одну, потом еще одну, а когда набралось двадцать коробок, продал их за один цент. Потом у него стало двадцать центов, а через месяц целый доллар! Так вот и начал Рокфеллер—со спичечной коробки! Понимаешь, мальчик?

спропадать зря. Дождевая вода использовалась для умывания, зюла считалась хорошим удобрением для свеклы, находились применные даже для старых канцелярских перьях—их дарили приютским детям. «Обязковенная булавка является основой фабрики» — такой был лозунг дяди.

Да, дядя Юлиус был настоящим образцом солидного предпринимателя, который хорошо понимал, что экономия — значит заработок. Однако по отношению ко мне дядя оказался так щедр, что

рое время «спустит кровь» из водородная, подана в бок специальной краски. Но я не пукал в ход весь свой арсенал сразу, так как хотел дать моему даде возможность испариться. Потому я записал по спичечным коробкам.

Само собой разумеется, я не мог найти сразу двадцать пустых коробков. Тогда я взял из дядных записок бумагу, вынул из них спички и, завернув в большой пакет, поджег в конце сада. Получился чудесный фейерверк! После

этого я, довольный собой, отнес даде двадцать пустых коробков в надежде получить за них пять пеннигов. Увидев новые коробки, дада отвесил мне две самые пыльные пощечины, от которых я очутился под столом. Оттуда я увидел, как он аккуратно стряхнул пепел с сигары и отдал из моих коробков (ведь это же прекрасное удобрение для кактусов).

«Надувательство!» — подумал я и после этого не мог уже спать спокойно. Мой мозг напряженно работал. Вечером я спрятался напротив дядной спальни. Ну, конечно, он выспал пепел из спичечной коробки не в горшок с кактусом, а в полочательницу. Само небо указало мне, что я должен сделать! И так, на следующий день я заснул в карман дядной пижамы спичечную коробку, превратившись насыпан в нее стрептококкового порошка. Это то самое вещество, из которого делают ракеты и которое при соприкосновении с кислотами вспыхивает красным пламенем.

Вечером я снова притаялся возле мастерской и увидел, как дада спокойно раздвинулся, облачаясь в

свою пижаму и, выткнув из кармана спичечную коробку, вымыла «пепел» не в кактусы, а в полочательницу, затем погасил свет.

Внезавно вся комната озарилась огромным столбом пламени. При этом магическом освещении я уви-

дел на мгновение дядю. Он стоял в ночной рубашке, судорожно уцепившись руками за спинку кровати. Потом комната снова потухла во тьму.

На следующее утро я ожидал жестокой расправы. Но этого не произошло. Напротив, у дяди был почему-то очень высокий ядл.

Через неделю я вернулся к бабушке. Дядя объяснил ей, что воспитать из меня хоть сколько-нибудь порядочного человека — совершенно безнадежно затея.

Впрочем, моя добрая бабушка воспитывала меня без помощи «двадцати спичечных коробков» или «двух дядюшек»; она совсем педагогично угодила меня хлебом с повидлом даже тогда, когда ей самой не доставало. Так я и не стал американским миллионером Рокфеллером.

Сокращенный перевод с немогого

В. МОГУТИНА.

Воспитание гангстеров

На снимке, появившемся среди реклам в американских газетах, изображен шестилетний мальчик, одетый в уродливый фантастический костюм. На роботе металлический панцирь, неуловимый шлем с излучателями и очками, в руках миниатюрный автомат иной системы. Что это? Порождение всемогущего молниеносного? Нет, это очередная новинка, рекламируемая в Соединенных Штатах как «лучший подарок ребенку на день рождения».

Подобные «игрушки» вместе с детскими фильмами, пресловутыми комиксами, специально составленным радио- и телевизионным программным материалом систематически отравляют детское сознание.

Плоды такого «просвещения» уже созрели: в США зарегистрировано свыше одного миллиона не совершеннолетних преступников. Катастрофический рост детского преступности называют беспощадно

дожде буржуазную прессу. «Таймс Геральд» издает этот «вопрос жизни» в качестве специального выпуска. Характерно, однако, что, признавая трагическую фактуру роста преступности среди детей и подростков, представители власти умышленно в главном — о причинах, порождающих увеличение числа преступлений. Министр по делам воспитания О. Хобби недавно на страницах «Нью Йорк таймс» сообразовало «объяснение» очень трудно решить, ибо причины и корни ее найти невозможно.

Но разоблачит истинные причины роста детского преступности — анализ разоблачит тенденцию правых агрессивных кругов США, но умышленно и последовательно замалчивание молодого поколения страны занимает далеко не последнее место в планах политической новой волны.

В. ДЕСОВ

«Угольные дети»

На окраине города Эссена высятся черныи горы, состоящие из отработанных пород. Каждое утро группы детей с котами и мешками приходят сюда. Сотни детей роются в земле в поисках небольших кусочков угля.

Обрушение рунт ребит работать быстрее: нужно слышать. Зарплата находится в этот день. Могут работать и даме отобрать то, что найдено.

В Эссене очень много угля. Целье горы из черных глянцевых шахт, возвышаются воле надморской угля. Углем завалены склады и железнодорожные станции. Но этот уголь слишком дорог, он идет на заводы, где делают шины, а дома богатых и за границу.

В лагучи бедняком он попадает очень редко. Лама на уголь установленные такие высокие цены, что не всякий в состоянии купить его.

Чтобы семья не сидела голодной, чтобы она не мерзла в убогом помещении, чтобы сыны от игры и посылает их на работу. Мальчики ходят искать кусочки угля.

В Эссене поминки угля в отработанных породах занимается такое большое количество детей из бедных слоев населения, что они даже получили специальное название — «угольные дети».

Они вынуждены уходить из школы, чтобы начать трудиться с шноль, чтобы свою долю в скудной «доходе семьи».

Плохо, очень плохо живут дети рабочих и крестьян в бонниском го-

сударстве. Вот только несколько цифр.

Бессмыслот тысяч подростков по-прежнему шлины за последние три года.

Сто девяносто тысяч детей Западной Германии живут в грязных, холмовых бараках.

Восемьдесят пять тысяч малолетних бродят по улицам подальше от полиции.

Десять тысяч детей переболели за год детским параличом — это миллион, коимозначенная из-за анти-

санитарных условий жизни и недоедания.

Таковы факты, печальные факты действительности. Бедственное положение детей в Западной Германии — один из итогов бешеной парогатки и войны, осуществившей вою продажной бонниской илной во главе с Аденауром.

Г. ИВАНОВ

Необычный банкет

В цивилизованном обществе банкеты и другие подобные торжества обычно устраиваются в честь выдающихся общественных деятелей, ученых, художников, писателей, людей заслуженных, известных своими делами, умом, талантами.

Но посмотрите на этот снимок! Чем заслужены такой почет эти монотонные, глупость и упрямство которых с глубокой древности вошли в пословицы и поговорки? Обращите внимание и на то, как

увильно и совершенно смотрят вышелевшие дипломаты — участники банкета — на своего гостя — ослос, которые с аплетитом и попой индифферентно наблюдают за богато сервированным столом.

Приведенный снимок изображает банкет, данный на так давно богачами английской города Ваффельфилда (графство Сассекс) в честь городских ослос. Чествовать этих животных собрался их «поклонники» и «обожатели». Как говорит английская газета «Дейли уорнер», в этот день нужно было стать ослосом, чтобы бесплатно получить дорожку и вкусный обед.

В Англии, как мы видим, никого не удаляют чествования собак: это вошло в моду. Ослосам же, которые имеют место в этой стране впервые,

тот памятный день редовые граждане города Ваффельфилда по-прежнему заводили «вкусными» монотонными. Да это не удивительно. В Англии до сих пор существует наркотная система: такие продукты, как мясо, сало, маргарин, яйца, ветчина, выдают только по картонкам. В стране с такими днями растут дороговизна и наголо бедность. В Англии ослосы достигли гигантских размеров.

Таковы контрасты современной Англии.

М. Г.

В Западной Германии американцы содержат наемную армию, замаскированную под название «пограничной охраны». На с снимке: броневики «пограничной охраны» на учениях.

„ДОБРОДЕТЕЛИ“

фельдфебеля

ПЕРШЛЕРА

Л. ЧЕРНАЯ

Когда А. С. Грибовдов вкладывал в уста солдатофна Сказоуба реплику: «И князь Григорий и вам фельдфебеля в Волтеры дам», — он, конечно, не предполагал, что спустя сто тридцать лет найдутся деятели, которые в масштабах целого государства провозгласят фельдфебеля идеологическим наставником миллионов людей. А между тем это случилось не так давно в боннском государстве Аденауэра. Фамилия фельдфебеля, который должен стать идеологом и воспитателем западногерманской молодежи — Першлер. Вот что пишет о нем бывший гитлеровский генерал Рамке, ныне один из главнейших боннских милитаристов:

«У фельдфебеля Першлера истинно солдатская выправка... голос его звучит как колокол».

Разумеется, западногерманский генерал не зря воспевает какого-то фельдфебеля Першлера. Согласно замыслам боннских пропагандистов, Першлер должен стать образцом для западногерманского юношества.

Чем же прославился этот фельдфебеля?

Окупационные власти в Западной Германии содействуют возрождению милитаризма. На снимке: немецкие солдаты получают от американцев обмундирование.

Бывший гитлеровский фельдмаршал авиации, а ныне глава милитаристской организации «Стальной шлем» Кессельринг открыто прославляет жестокость, проявленную фашистами в годы войны. На страницах своих мемуаров он гневается на тех, кто порицает гитлеровских офицеров, которые «растреляли без вины... дескток штетски». Уке упоминает газета «Дер фронт-зольтат» эрцельте уверует, что «мужские инстинкты толкают людей на войну».

Нетрудно заметить, что «моральный кодекс» усмелено насаждаемый сейчас в Западной Германии, не является изобретением нынешних боннских равништов. Он создавался германскими империалистами многие десятилетия, с тех пор, как они стали на путь агрессивных войн... Любимым изречением канцлера Бисмарка было: «Мы, пруссаки, все рождаемся а мундираф. Обращаясь к командирам своей армии, тот же Бисмарк призвал «растрелять, вешать, жечь». Налутывая немецкие войска, отправляемые в Китай для подавления боксерского востания, германский канцлер Вильгельм II заявил: «Посыды не давать, пленных не брать! Идеоолог немецких империалистов генерал Фридрих фон Бернгарди в книге «Наша будущность», которая вышла еще накануне первой мировой войны писал, что «нашина есть биологическая потребность».

Однако вернемся к фельдфебелю Першлеру. Как ни похож этот тупоголовый молодойник

Равништов Западной Германии возрождают агрессивный армахт. На с снимке: участникни слета фашистской военной организации «Стальной шлем».

на «классического» пруссак, которому его «биологическая потребность» позволяет «резать и жечь», — у него есть и некоторые отличительные черты, боннским равништам теперь уже мало просто «пруссакко». Им нужны военные роботы, автоматы, не имеющие никаких человеческих чувств. Фельдфебеля Першлер, асыпный генералом Рамке, и есть образец такого рода «механического человека», истукана в солдатском мундире. Характерно, что бывшие эсэсовцы создали себе своего «героя». Эсэсовский обергруппенфюрер Пауль Гауссер в книге «Восроужения СС» действиям выводит героем некоего Ковальского. Разница между Першлером и Ковальским заключается только в том, что Ковальский обращается не к генералу, а к обер-юнкеру и не в зале суда, а на поле боя. Смиртальные ваваны, он — «подойди руку» — установленному приветствию и на глазах у всех под сильнейшим русским пулеметным огнем сказал звонким голосом: «Обер-юнкер! Докладываю о моем выхити из строя».

Подобно Бисси предначинаны прежде всего для подрастающего поколения, на зидевого фронта. Но воспитать жестоких, послушных солдат-автоматов, которые требуются сейчас западногерманским милитаристам, невозможно с помощью одной только фашистской пропаганды. Для этой цели в Боннском «рейхе» созданы сотни массовых военных и полувонных организаций. Одних только солдатских союзов, находящихся на содержании правительства Аденауэра, в Западной Германии насчитывается 526. Именно

Молодежь Западной Германии на военных учениях в Грюнавальде.

эти союзы и являются сейчас основными политическими базами для выращения будущих солдат-автоматов.

Солдатские союзы созданы боннскими милитаристами на базе бывших фашистских военных подразделений. Они носят названия тактик гитлеровских дивизий, как «виндмюль» (гонимая собока), «ли грюнел тейфель» (зеленые черты), и объединяют наиболее опасных фашистов, которые мечтают о том, чтобы «перезарядить митрух». В этих союзах разнузданная рвановицкая пропаганда сочетается с отчаянной солдатской мутрой. Их парады, которые время от времени организуются гитлеровские западногерманские милитаристы, как два колпа колды, исполняют левых гитлеровцев: тот же «трусый шаг», те же оклемающие лица, то же стремление «устрашить» уже одним своим видом — все это было у фашистских милитаристов.

Для обработки западногерманского молодёжи в милитаристском духе существуют и специальные юношеские организации. Одной из таких организаций буржуазия западногерманская газета «Маннерс прессес» печатает еженедельно корреспонденцию, в которой говорилось:

«На берегу Севариного моря существуют своего рода третий рейх» в миниатюре. На мечтах развешены черно-бело-красные флаги. Посреду красуются арвангерманские руны (писемные), и громкие крики «Хайль!» разносятся из лесной чащи.

В этой корреспонденции речь шла о лагере неонацистского молодёжного союза «Рейкс-югенд», а также лагеря имени друга фашистского юношеского андранца, под названием «Миллерский орден».

«Рейкс-югенд», «Миллерский орден» и дру-

гие молодёжные организации фашистского типа должны, по мысли их организаторов, служить «источником» туземцев для создаваемого сейчас в Западной Германии нового агрессивного вооружённого государства.

Кроме этих чисто молодёжных организаций и упомянутых выше солдатских союзов, «работают» среди западногерманского юношества ведут еще такие милитаристские организации, как «Стальная шляпа», «Первый легион» и другие.

В Западной Германии уже сейчас существуют значительные вооружённые силы. Общая численность их, как указывал В. М. Молотов на Берлинском совещании, достигла свыше 360 тысяч человек. Эти силы состоят из военизированных формирований полицейских частей, насчитывающих 213 тысяч человек, и немецких воинских формирований при оккупационных войсках численностью в 155 тысяч человек.

Таким образом, уже сейчас, когда западногерманский вермахт официально еще не создан, в Западной Германии военную форму носят свыше 360 тысяч человек.

Итак, западногерманские милитаристы создали костяк для своего будущего вермахта. Кстати сказать, боннские рвановицки горят своим неутраченным, что еще до принятия Люблинского и Варшавского договоров, которые официально разрешают создание армии в Западной Германии, уже изменили конституцию своей федеральной республики, чтобы ввести всеобщую воинскую повинность.

Еще в прошлом году Теодор Бланк — фактический военный министр Аденяуэр — заявил тем, что ему достаточно нажать кнопку, чтобы новый вермахт стал явью. Этот же Бланк, совершая инспекционную поездку по территории Франции, заявил: «Кадров вполне достаточно!» — дело только за их размещением.

Наряду с политической и чисто технической подготовкой к созданию западногерманских воюющих контингентов Боннские милитаристы проводят и соответствующую идеологическую подготовку. В последнее время старшие фашистские генералы слух разглаживают о «присоединении» западногерманских милитаристов ко всем народам мира. А роль речь зашла о «присоединении», дело ясное:

1 Речь идет о старых гитлеровских названиях «присоединение» — значит оставаясь в полном неприкосновенности (примечание автора).

новых фельдфебелей готовят к заграничным, агрессивным войнам.

Западногерманские милитаристы все чаще и чаще позволяют себе делать нелепые заявления по отношению к Франции и к другим западноевропейским странам. «Что такое Эльзас? — вопрошает рвановицкая газета «Вост-Ост-юури». — Что такое Лотарингия? Разве это страна французская? Не должно ли во Франции существовать такие города, как Нанси, Модельяр, и т.д. старые немецкие поселения? Упомянутый выше генерал Рамке также упрямляет свое красноречие, пытаясь «вспомнить» французские провинции, которые Франция уступила в отношении старых фашистских планы в отношении французского народа. «После победы Бланка в Вашингтоне», — заявил он, — международное положение разлаживается благоприятно для Германии и немецкого союзами — США, — который мог бы принять участие в серьезном конфликте с Францией, если бы он возник». Еще более опозорено брикетом оружейных фашистских молодчиков на авиационных бортиках своих самолетов и «фрейеров». На встрече бывших воюнослужителей 107-й пехотной дивизии в Идлар-Оберштейн» разспелись песни «Ми победоносно разобьем Францию» и «Ми идем на Англию».

Непомерно раздутые полицейские силы, обилие военных и полувоспитанных организаций, открытая рвановицкая пропаганда — все это вызывает тревожное беспокойство народов Европы, и в числе их народа самой Западной Германии.

Права, свои агрессивные намерения боннские милитаристы хитро маскируют разговорами о присоединении европейских народов, которые будут «будут» национализированной армией, призванной жить не к тому, чтобы обуздать самих боннских милитаристов. Но даже американский банкир Уорбер в своей книге, посвященной истории западных держав в Германии, был вынужден признать, что после организации европейской армии «перезаруженная» Западная Германия в конечном счете станет господствующей силой на континенте. По существу создавая новую европейскую армию, будут западногерманские милитаристы, те самые люди, которые во время второй мировой войны с огнем и мечом прошли по Европе, Юбали, мучили, сажали в концлагеря европейских народов.

Однако опыт двух мировых войн не прошел для народа мира даром. Даже в самой Западной Германии растет движение борьбы за мир. Это движение охватывает и западногерманскую молодежь. Факты показывают, что превратить немецких юношей в пушечное мясо сейчас куда труднее, чем раньше. Немецкая молодежь знает, что возможно мирное, демократическое разрешение германского вопроса. Нижкая Болтовна о фальфафельском агитроизме и расовом превосходстве уже не может обмануть миллионы немецких юношей и девушек.

Дикие зрелища

Красив водоплаз Нинагар. Каждый год сотни тысяч туристов приезжают полюбоваться этим «чужим природой». Но особенно много народу собирается сюда в те время, когда американские журналисты приходят поднимать шумиху вокруг очередной сенсации, которая «происходит» на Нинагаре. В рамках выявляются нагнанные извращения шрифтом голубовидности: «Четыре минуты — так ты узнаешь и смейт!» «Штурм слез!» «Шанс 99:1» — Дельфин, установившие это «бомбовидно шумиху», превращают также, как бы она привнесет им.

...В один из летних дней мною были любознательны и любознательны устроены к водоплаз, чтобы посмотреть на сенсационное зрелище. Словом, сенсация, сенсация плавателя, аршинные буквы на заборках объявляли, что «чужеземцы» пройдут через ил «плавающей воды».

На этот раз сенсация заключалась в следующем. Малейший толчок по имени Ред Хилл собрался прыгнуть с пятидесятиметровой высоты в «лужичку Нинагара», по-

следней беседе с репортёрами он заявил, что четыре года отбывал срок плыв. Ред Хилл смирится бочку из 14 надувных резиновых колец, обшитых прочной сеткой. Накладывая эти кольца, будет выстраивать можно, можно было бы риска для жизни рисовать в водоплаз.

Мотивы поезда отбрасывала на середину реки резиновую бочку. Это «снаряды» будут выстрелить, и бочку точно достигло навывсечку. С этого места в Нинагару бросили известную плывок Вебб. Когда-то он первым переплыл Лаваши. Но здесь его постигла новая неудача.

Поблизости сенсаций, рекламируя прыжок Хилла, расплывались события, не ждали успеха. Они остались без внимания публики, и место, построенное около водоплаза. С этого места в Нинагару бросили известную плывок Вебб. Когда-то он первым переплыл Лаваши. Но здесь его постигла новая неудача.

Как и многие другие смельчаки, Вебб в свое последнее приключение был отправлен в булавку. Резиновый материал, который вылетел из бочку, оказался, что через пять минут он будет выстрелить в воду. Однако он погубил, как и его предшественника.

Особенно в Нинагаре водоплаза в подобном плыве имеют уже солидную историю. Первым рисовали

здесь своей жизнью немцы Карле Вебб и его товарищи. В июле 1899 года в дерзновенной бочке, сделанной из ив, самими, они покинули огромный водоем «сверхлюбопытных острых ощущений» профессора Карла Вебба. Факты показывают, что в стране водоплаза. Его спас счастливые случаи. Другие были менее счастливы. Пятидесятки лет спустя ходили о водоплаз расплывшом плывке Вебб. Когда-то он достиг 185 мотыль безумцев, пытавшихся заработать деньги и славу, прыгнув в водоплаз.

Когда общественное мнение признало выслушно против прыжка в водоплаз, Нинагаре, предпринятые действия начали устраивать другие водоплазы. Они слывали «сверхшумиху или блина», ухватили флаги и в водоплаз, прыгнув в водоплаз, брели «топчались» приключенческие рекламные объявления, это слово «боннские» — «боннские», помещенные на плывке.

Из-за своей жинности сплавился обычно только гуси. Их затем продала дюжину смельчаков по 400—500 долларов за штуку. Г. МАЛИНЧЕВ

Один из претендентов на деньги и славу, Ред Хилл, в резиновой бочке воюнослужителями.

ШКОЛЬНИЦА СТАНОВИТСЯ ЧЕМПИОНОМ

Все выше и выше поднимается планка, все меньше и меньше участвует соревнований выходит на старт прыжков в высоту.

— Высота 167 сантиметров — рекорд для девушек 17—18 лет, — объявляет судья. — Осталась одна участница — Людмила Мочилина, Ленинграда.

Зрители, собравшиеся в этот солнечный день на харьковском стадионе «Динамо», где проходил соревнования на первенство Центрального совета общества «Динамо» по легкой атлетике, с интересом следили за юной спортсменкой.

Девушка с тоненькими носочками вышла на главный сектор для разбега. На вид она была очень крупной, но от всей ее фигуры веяло легкостью и силой, присущей хорошо тренированной спортсменке.

Планка установлена на высоте 167 сантиметров — это на два сантиметра превышает норму мастера спорта. До сих пор только одна спортсменка в нашей стране сумела взять эту высоту — неодноразовая чемпионка и рекордсменка СССР и мира, заслуженный мастер спорта Александра Чудина. Сумеет ли Мочилина прыгнуть еще выше?

...Спортивная биография Людмилы Мочилиной короткая. Еще не прошло и пяти лет с того дня, когда тринадцатилетняя ленинградская пионерка 24-й школы Октябрьского района вместе с подругами впервые пришла на стадион сдавать нормы комплекса ВТЮ. Она лучше всех прыгнула в высоту и хорошо пробрала 60 метров. Может быть, именно тогда и подметил тренер Борис Основин Редкий отменные способности юной спортсменки.

Первые же тренировки показали, что Редкин не ошибся. Людмила настолько трудилась, изучала технику бега прыжков, что уже несколько месяцев умеет уверенно брать высоту 135 сантиметров, а осенью 1981 года она преодолела планку на высоте 150 сантиметров и завоевала звание чемпионки «Динамо», опередив почти все опытные спортсменки.

Чем выше поднималась планка, тем серьезнее приходилось готовиться. Вместе с тренером мастером спорта Г. Долгопятовым Людмила тщательно изучала кинограммы своих прыжков и терпеливо работала над исправлением ошибок.

На тренировках Людмила Мочилина не раз повторяла рекордные результаты, но особенно было улучшить его. И вот она снова на дорожке ищет бег для повышения прыжковых способностей.

Чуть наклонившись вперед, расклавив руки и плечи, стоит она у своей отметки для разбега, выжидательно смотрит на планку, как бы стараясь измерить расстояние, заполнить высоту.

Решительным движением Людмила начинает разбег. Легкие, ритмичные шаги все ускоряются. Сильный толчок, резкий взмах рук — и тело взлетает.

Но еще прежде, чем ноги коснулись песка по ту сторону планки, Людмила знает: прыжок неудачен. В каком-то мгновении она задела планку и та, дрогнув, упала со стоек.

Где-то, видимо, допущена ошибка, Людмила вынуждено рассматривает отметки своих шагов на поверхности гравевого сектора. А, вот и ошибка! От второго шага ритмичные шаги превратились в шаг, и толчок пришелся слишком близко к планке. Юная спортсменка вспоминает, что тренировалась в таком же положении.

Судит тем временем уже установившую планку и еще раз измерившую рекордную высоту.

Разбег, толчок... Возгласы одобрения и аплодисменты разнеслись над стадионом.

Людмила слышит голос судьи: «Есть!», — а затем смотрит на планку: белый трехрядный брусок неподвижно лежит на занавесах. Высота прыжка! Есть новый рекорд!

Победа не вскружила голову молодой спортсменке. Она упорно продолжает тренироваться. Закончив занятия в школе, шла на зимний стадион, и хотя часто бесновалась выюга, спортсменка, так же как летом, выходила на беговую дорожку, разминалась и бежала к сектору для прыжков. Трудно сказать, сколько раз Людмила преодолевала рекордную высоту — она совершила десятки прыжков. Некоторые удивлялись:

— Чего ты зимой с такой нагрузкой тренируешься?

Людмила только улыбалась и снова шла готовиться к прыжку. Зато весной, когда ее включили в состав сборной команды Советского союза, молодая спортсменка была в отличной форме, мало в чем уступала своим взрослым товарищам.

На международных соревнованиях, которые состоятся нынешним летом, Людмила Мочилина снова выйдет на старт. Только не ее выигрывает бегунья «ля» — замечена розового города Ленинграда — будет отпраздновать золотой герб Советского Союза спортивную честь которого ей предстоит защищать.

Г. ДОЛГОПЯТОВ,
судья республиканской категории,
Л. ЛИБКИНД,
заслуженный мастер спорта.

Студенты Саратова на дистанции кросса, который был открыт летний спортивный сезон.

Фото Н. Попова.

Молодые яхтсмены — студенты саратовских вузов — вышли на прогулку.

СПОРТСМЕНЫ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Спортсменка сделала несколько взмахов, потом, стремительно повернувшись, сделала мостовую дугу. Блеснув на солнце, он ушел далеко за фальшом, которым был отмечен лучший бросок. Судья объявил:

— Студентка Саратовского государственного университета Наталья Авакина завоевала звание чемпионки города по метанию диска.

Такие сообщения о победах, одержанных студентами на спортивных соревнованиях, можно услышать часто. Но лучше всего о них рассказывают многочисленные призы и грамоты, которые хранятся в одном из кабинетов Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

В спортивных секциях этого вуза выросло немало хороших легкоатлетов, волейболистов, пловцов, колесожителей, велосипедистов. У многих студентов на костюмах значки разрядников. Студент геологиче-

ского факультета Игорь Паховов не так давно пришел на беговую дорожку. Сейчас юному знающему уже как отличного бегуна на средней дистанции. Его товарищ по факультету Ненахов также добился высоких результатов. Студент физического факультета Геннадий Воробьев показал хорошие результаты как влоажонщик, но его часто можно видеть и на водной дорожке бассейна — он неплохой пловец.

Большинство студентов университета родились и выросли на Волге, полюбили водный спорт. Виктор Степанчук, например, еще в детстве увлекся греблей. Это помогло ему быстро овладеть спортивным мастерством: теперь он сам учит новичков.

В прошлом году студенты Саратовского университета совершили переход на людях от Саратова до Москвы. Среди участников этого перехода был и аспирант Станислав Стальмахов. Он опытный яхтсмен. Этому искусству его обучил Николай Советов — бывший студент этого университета, в ныне кандидат физико-математических наук, получивший звание мастера спорта СССР.

Большую популярность у студентов завоевал туризм. Прошедшей зимой студенты побывали на Печоре, на Карельском полуострове. Нынешним летом они собираются путешествовать по Уралу. Как только будут сделаны все приготовления, саратовцам надлежит походные рюкзаки и уйдут в дорогу на все лето.

Туристы начали тренировочные походы. Отдых на привале.

НА ДВА КРЮЧКА

Наступил теплый, чистый день. Прошел берегом. Пойма и поднялся на крутой обрыв и увидел внизу рыбачью-удильница. Это был высокий, статный парень с пыльными черными волосами.

Поздоровствовался удильница, и спросил:

— Ну, как ловишь?

Парень тряхнул волосами, глянул вверх и кратко ответил:

— Крючок поменьше...

Насилив нахвост, я сплано акинуло удочку. Нередко по ловности выбора определяли и мастерство рыбака. Опытность у парня была налицо. Явнее упал далеко на северную сторону. Ничего и подпрыгивая, легкой ползавкой помычал вниз по черенку. В ту же секунду, прицельно, рыбаки прыгнули, чтобы тем, не падая на воду, и пробрав шапку рыбаки победно по берегу.

Тяжело было настолько быстро, что моментом поклевки я не увидел. Но рыбак во-первых дал легкую подсказку. Увиденная соулость. Рыба валился крепко. Натянутая леска начала резко грешиться вверх. Удильница, будто прикованная длинным шестом над рекой, выжила, перескочив с одного места на другое, то отступая, то отступая назад. Минут через пять удильница сползлась и обессохла. Парень тихо подвел ее к берегу и ловко подхватил в сажок.

Нота на нем затряслась крупный голыш-черносиняк, меня на обрыве ловлю подбирало. Неумная сила — охотничьи страсти! И я буквально схватился на расквашеную губу.

Хорошо знал, что многие рыбаки не любят посторонних глаз, я навалился и сказал:

— Интересуюсь по ловле. Разрешите пообщаться?

— Пожалуйста! — добродушно улыбнулся парень. Только не стойте так близ воды, а то рыба будет отпугивать.

Видя мой авоськине плаваю на кувале с подсказкой голышей и пара подковылок.

— Это здесь авоськи? — удивился я. — Здорово!

Нико змея ловить — не без гордости ответил рыбак и потянул за ручкой за подсказку и ввел в кувалду. В воде плакала мелкая рыба. Пома рыболов наскалывал нахвост и обрывал удильника в удочку. Присевшего моего удильника в прочное бамбуковое удилище — оставшаяся рыбачья шея болела пяти метров длины! — опрессованное до половины алюминиевыми оплывками. Леска выжила, не толще катушечной нити, водонепроницаемая. Подковылок, на конце — наконечником. Губа — дробинка второго номера. Но меня удивило то, что на колесике по водной поверхности не один, а два удильника. Почти в каждой песчаной. Расположены они один от другого на расстоянии не больше двух сантиметров — по росту жава.

— Удильник-то у вас необычный! — заметил я.

— Собственный конструировал. И с мыслью — авоськами. Но,

«АЛЕШКИН КАМЕНЬ»

Читатель «Смеши». А. Гусев из Кудобасе пишет: «Мои товарищи, работающие некоторое время в Прибайкалье, однажды, говоря о горном сланце, назвали его «Алешкиным камнем». Однако объяснить смысла этого выражения, рассказать историю происхождения не могли. «Так иногда называли сланец в Эстонии», — говорили они. Не ответил ли на этот вопрос кто-нибудь?»

Горный сланец не случайно называют «Алешкиным камнем». Существует устное предание, рассказывающее об открытии богатых месторождений горных сланцев в Эстонии. Двести с лишним лет назад по указу Петра I для освоения земель, расположенных на берегах Финского залива, на северо-востоке Эстонии, пришли первые русские поселенцы. Природа этого края сурова. Густые леса, густые заросли кустарников и топики, типичные болота встретили пришельцев.

Поселенцы срубили себе избы. Одному из них, Алешке Титову, оставившему порозовую солоду, участнику битвы под Полтавой, местностями настиг бумеранг для постройки жилья. Камень, найденный в лесу, был темно-голубого цвета, легко колосил; из него сломали отличные пилы. Но, к унесу новоселов, когда был разведен огонь,

вместе с дровами загорелся и... тлея, огонь перекинулся на деревянные строения. Пожарная команда от удивительного горячего камня, в несколько дней истребила весь поселок. Наутражные поселенцы разбегались.

Однако через год в этом месте снова возникла деревня под названием «Глубое болото», по-эстонски — «Кюла-Ярва». Но теперь поселенцы уже знали, что из найденного «Алешкина» камня. Наутражные камни неслись складывать в пещеру, так как он сам является хорошим строительным материалом. В пещере люди сухих береговых дров и давали голые тела.

Сланцевые месторождения в Эстонии залегают на глубине двух-трех метров и называются многотысяч квадратных километров. По своей высокой калорийности они считаются лучшим в мире. Из сланца вырабатывают газ, сланцевые масла, бензин, мажут, различные виды нефти и другие виды продукции.

Кюла-Ярва — теперь, главный город сланцевого бассейна.

В. АЛЕКСАНДРОВА

Наблюдение за лосями с самолета

да большинство лосей находят основные молинии и новых зарослей по окраинам крупных болот.

Наблюдения с самолета показали, что лоси обычно держатся небольшими группами, по 3—5 голов. Нередко рождаются стада в 20—25 голов, но и они все же были разрозненными. В стадах в 20—25 голов, можно предположить, что лоси держатся семьями.

К шуму самолета лоси относились равнодушно, редко вставали к лесу и лишь иногда поднимали голову и следили за его полетом. Опыт наблюдения за лосями с самолета показал, что таким способом можно успешно изучать биологию многих лесных зверей.

Уже несколько лет в нашей стране для наблюдения за промысловыми животными применяются самолеты.

В Калининской области при помощи самолетов ведется изучение биологии лосей. Лоси совершают в зимне-весенний период, с января по апрель. В это время го-

В. БЕРЕСТОВ

МАМОНТА

Басня

В музее Мамонта смеяет
Смеял смеяет Виноградов:
«Нам в Басни почему-то ходу нет.
И что в них почему-то лавра нет.
Ты! Мелоча всякая — накой-
нибудь Емют.
А Зайч, а Петух, а Рышка Лисица,
И Мороз в Басни в Басню чинится!»
«Послушай! — Виноградов ему
и ответил: —
«Именно твой пилы лишь
молодость лет.
Вернее, мой мильный! Для печали
Я снование еще не вижу тут.
Берут же долготные морали,
«Лидишь, и нас в те быки
позовут!»

Рисунки А. Кохова.

МАТЧ СИЛЬНЕЙШИХ

В середине мая закончился матч за звание чемпиона мира по шахматам. Встречались два сильнейших в мире гроссмейстера — Михаил Ботвинник и Василий Смыслов. Каждый из них выиграл по 7 партий, а 10 встреч закончились ничью. Общий результат игры — 12:12.

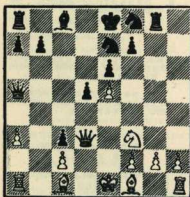
По условиям матча, утвержденным Международной шахматной федерацией, звание чемпиона мира снова сохраняется за Михаилом Ботвинником.

Матч вызвал небывалый интерес любителей шахмат. На игру сильнейших шахматистов приезжали посмотреть из разных городов Советского Союза, а также из других стран мира.

Мы приведем эпизоды из двух партий матча, являющихся, по мнению чемпиона мира, лучшими достижениями участников игры.

Перед 9-й партией счет был 5:3 в пользу Ботвинника. С большой энергией провел Смыслов очередную встречу. После 12 ходов на доске создалась следующая позиция:

Ботвинник

Смыслов

Партия продолжалась так:

13. h2 — h4!

Превосходный ход Смыслова. Белые не только укрепляют опорный пункт для слона на поле g5, но и при случае собираются осуществить дальнейшее продвижение опасной проходной пешки.

13. ... c8 — d7
14. c1 — g5 Лs8 — c8

План Ботвинника также активен. Он хочет использовать положение короля белых в центре и подтягивает все фигуры для атаки.

15. Kf3 — d4 Kc7 — f5
16. JLa1 — b1 Лc8 — c4

Если бы черные взяли пешку (16. ... Ф: a3), то после 17. К: f5 еf 18. Л: b7 над их королем нависла бы опасная угроза. Поэтому чемпион мира, не теряя времени, также вторгся ладьей в неприятельский лагерь.

17. Kd4 : f5 e6 : f5
18. JЛb1 : b7 Лc4 — e4 + ?

В трудном положении Ботвинник допускает ошибку. Надо было сначала отдать ладью g8 за слона g5, что позволило бы продлить сопротивление. Смыслов решил исход борьбы путем типичной комбинации с временной жертвой ферзя.

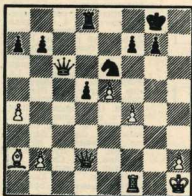
19. Фd3 : e4 d5 : e4
20. JЛb7 — b8 + c47 — c8
21. c1 — b5 + Фa5 : b5

На 21... Kd7 последовало бы 22. Л: c8 + Фd8 23. Л: d8 X. А теперь черные не могут помешать быстро продвинутой проходной пешке.

22. JЛb8 : b5 Kf8 — e6
23. c5 — f6! JЛg8 : g2
24. h4 — h5 c8 — a6
25. h5 — h6! Черные сдались.

После этого куэвстрительного поражения Ботвинник проиграл еще 2 партии, а всего 3 подряд — редкий случай в его многолетней практике. Счет стал 6:5 в пользу Смыслова. Посмотрим теперь, как отразилось это на игре чемпиона мира в следующей, двенадцатой партии.

Смыслов

Ботвинник

Постепенно подготовленная атака белых быстро приносит сейчас свои плоды.

27. f4 — f5 Ke6 — e5
28. Фd2 — g5 Лd8 — d7

ЧЕМПИОН МИРА

Он это звание носит много лет,
Вновь подтвердив в турнире со Смысловым,
Что не случайно в знак своих побед
Увенчан третий раз венком лавровым!

Но скажем мы, приветствуя его.
[Не заглушая звонкие литавры]:
Венок лавровый дан не для того,
Чтоб чемпиону почивать на лаврах!

А. К.

Смыслову лучше было защищаться путем 28. ... f6, но в тогдa после 29. еf Ф: f6 30. Фg2 ему трудно отражать многочисленные угрозы.

29. JЛf1 — g1 f7 — f6
30. e5 : f6 Kc5 — e4
31. f6 — f7 +!

Эффективная комбинация Ботвинника приводит вскоре к положению, в котором его слон нападает сразу на все фигуры черных.

31. ... JЛd7 : f7
31. Фg6 — d8 + Kpg6 — h7

Если бы черные защищались ладьей (32. ... JЛb8), то после 33. С: d5 + Kph7 34. Л: g7 + Кр: g7 35. ... Фe7 + они терпели бы поражение. В партии они остаются без фигуры.

33. Ca2 : d5 Ke4 — f2 +
34. Kph1 — g2 Фc6 — f6
35. Фd8 : f6 JЛf7 : f6
36. Kpg2 : f2 JЛf6 : f5 +
37. Cd5 — f3 Лf5 — f4
38. JЛg1 — g4 Черные сдались.

Мастер Л. АБРАМОВ.

Потомки Богдана Хмельницкого

Мало кому известно, что среди потомков Богдана Хмельницкого были видные для своего времени ученые и писатели.

Иван Парфенович Хмельницкий, потомок Богдана Хмельницкого по прямой линии, был доктором философии, автором и переводчиком ряда научных трудов. Он участвовал в правительственной комиссии, созданной в 1767 году, «для сочинения проекта нового уголовного», то есть, новых законов. Известный русский просветитель и писатель XVIII века Н. И. Новиков, лично знавший И. П. Хмельницкого, писал о нем: «Замысловатый Иван Парфенович, философ и доктор и Комиссия о сочинении проекта нового уголовного сочиняет». Обучался прежде в Киевской Академии, а потом в Кенигсбергском университете разным языкам и наукам. Сочинения его следующие: 1) Рассуждение об основных философских, на латинском языке, внесенное в Гамбургские ученые ведомости в 1762 году; 2) Опровержение на рассуждение господина Шлегеля; 3) Рассуждение об опровержении рабства по законам естественным

праву поварадному; 4) перевод с немецкого на русский язык книги: «Величество и различие в царстве естества и нравов по уставу аристотеля» и 5) перевод же краткую Энциклопедию или понятие о всех науках и художествах; обе сии книги в скором времени будут печататься».

Перечень трудов, приведенный Новиковым, показывает, что И. П. Хмельницкий занимался такими социальными вопросами, как вопрос о рабстве, полемизировал с реакционным немецким философом Шлегелем. Что касается переводов, то первый из них, под названием «Свет зримый в лицах», был издан впервые в Петербурге в 1773 году Академией наук тиражом в 800 экземпляров. Это было одно из немногих русских изданий того времени. Книга была несколько раз переиздана.

Сын И. П. Хмельницкого — Николай Иванович Хмельницкий воспитывался и так называемом Горном корпусе, принимал участие добровольцем в Отечественной войне 1812 года. Некоторое время он служил на дипломатическом по-

прище, а затем был на разных административных должностях. Н. И. Хмельницкий является автором и переводчиком большого числа сочинений, а свое время немалой и воденел: «Взбужденный попутчик», «Блаженные исповедники», «Новая шалость, или Тавриальное сражение», «Картина», «Светский случай» и других, имеющих значительный успех у читателей. Особо удачными являются его переводы немецкой Коллера «Срок жванья» и «Тарговец». Перу Н. И. Хмельницкого принадлежит также ряд исторических пьес: «Обручение Фельдери», где подвиги османского инстанты — адмирала XVIII века Таубера и Шумилера, изданы Ломоносовым «Ступица Фауст» — об известном деятеле петровского времени Д. В. Бросса, Симеона Ивановича Амелиншия, или присоединение Малороссии».

Один из водителей, «Свои семья или Закупка невесты» Н. И. Хмельницкого были славным доктором, а А. С. Грибоедовым, с которыми был славным много лет узлами дружба. Этот довод и в наши дни идет на сцене Центральной театры Советской Армии. Хмельницкий написал также несколько рассказов и повесточистических очерков. Сочинения Н. И. Хмельницкого в трех томах были изданы в Петербурге Смирдиным в 1849 году.

Л. СВЕТЛОВ,
наблюдатель филологического науки.

СМЕНА

В номере:

И. Тавров — Трансформисты.
С. Асканов, А. Розанов — В уроки Топташ.
Вл. Моностаев — Красный парен, Стаски.

Сылава Капустяки — Девочка в лесу, Стаски.

Константин Венжеркин — Тоска зачитания, Стаски.

Виктор Урман — Где сейчас люди?

Юрий Яковлев — В большой Стаски.

Т. Жирмунская — Мои Зои, Стаски.

Пионерские лето — Фоточерка.

А. Смирнов — Четыре стихотворения.

Владимир Попов — Ошибка Мадри Грешовой, Отрывок из романа.

С. Ватта — Первый помет, Стаски.

Федорик Вольф — Почему я стал миллионером, Рассказ.

Л. Черная — «Дорожепли» фельдфебеля Першира.

Г. Догалятов, Л. Дьяков — Школьная стипендия с чемпионом.

Т. Стефаров — На два кричка.

В. Берестов — Жалоба мясника Васни.

Л. Абрамов — Матч сильнейших.

На первой странице обложки: Гоубин. Фото И. Коваленко.

На четвертой странице обложки: Трудовая инициатива. Фото Л. Иванова.

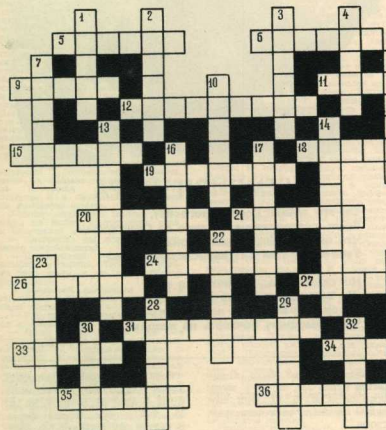
Оформление номера В. Урина.

Технический редактор О. Швава.

КРОССВОРД

Составил В. Пономарев (г. Лысьва)

По горизонтали:

5. Стихотворение А. С. Пушкина, Е. Гуссартство в Европе, 9. Литературный жанр, 11. Выдающийся поэт УССР, 12. Писатель по общественно-политическим вопросам, 13. Аргументный рисунок с картинкой, выраженный точностью, 18. Пресса, 19. Гриб, 20. Выдающийся французский писатель и общественный деятель, 21. Русская народная песня, 24. Специальная часть Азовского моря, 26. Герой гражданской войны, 27. Алмазная руда, 31. Машина, превращающая механическую энергию в электрическую, 32. Старинный смычковый музыкальный инструмент, 34. Микроорганизм, 35. Социально-учебный металлург, 36. Стебель растения в начале его развития.

По вертикали:

1. Мера веса драгоценных камней, 2. Состояние разреженного газа в непродуктивном резервуаре, 3. Оттепель, 4. Западная часть Азовского моря, 7. Великий русский писатель, 8. Остров в Средиземном море, 10. Справедливость об окончании учебного года, 13. Устройство для нагнетания воздуха, 14. Приспособление для усиления звука, 16. Революционная партия, возглавляемая П. Герценом и Н. П. Огаревым, 17. Слово, близкое по значению с другим словом, 22. Путь в Африке, 23. Сила для вылиния испарившей поджигивной, 25. Химический элемент, 26. Горючий вещество, 29. Сорт шерстяной ткани, 32. Черноморский порт.

Главный редактор М. А. Величко.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правда», 24.

Тираж 120 000 экз.

Изд. № 508.

Тел. Д-3-34-24.

А 50848.

Подписано и печатано 10/VI 1954 г.

Формат бумаги 70 x 108%.

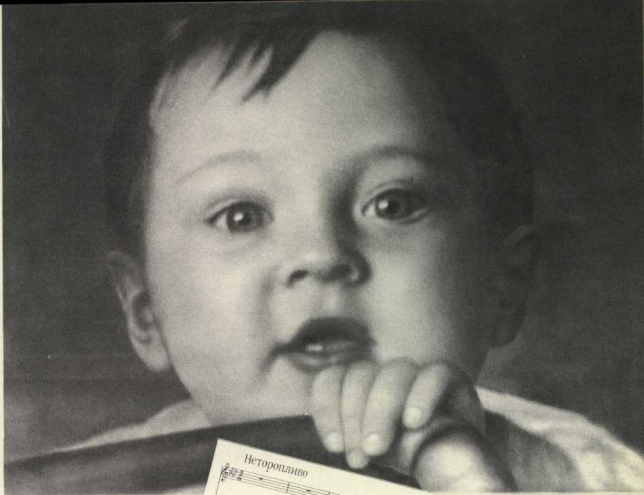
Завка № 1540.

1,75 бум. л. — 4,8 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правда», 24.

УЛЫБНИСЬ, СЫНОК

Слова Л. ОШАНИНА.
Музыка А. ОСТРОВСКОГО.

Ты открыл глаза,
Посмотри кругом.
Будет ясный день
В сердце маленьком твоём.
Луч веселый друг
Забегал, прилег.
Для тебя вокруг
Светит солнышко, сынок.
За окном бежит по листьям легкий ветер,
Ветки яблонь в белом радостном цвету...
Потянись, сынок,
Улыбнись, сынок,
Мой сынок-вьюнок,
Мой заветный огонек.

Ты любовь моя,
Ты душа моя,
Мой сынок-другок,
Ты кровиночка моя.
Ты расти веселым, смелым и счастливым,
Будь похожим, будь похожим на отца.
Потянись, сынок,
Улыбнись, сынок,
Мой сынок-вьюнок,
Мой заветный огонек.

Неторопливо

...куча тва-ах, посмотри му-су, дет-и-ньк день в сердце на ладошке тво-
...и-и, ладо-ладу за-ба-жал, при-ле-г для те-бя во-кру ку-ру сам-ти-ет сол-нышко, сы-
...ночь
...и-и. Лу-лу, но-к, за-око-но светит по-ли-стиям легкой вет-тер, ветки яблонь бе-зуд-но радостны сме-
...и. Ты рас-су-и ветки яблонь, сме-иши и сме-ишам, буд-и-и, хо-ди-и-и по-ли-стиям на-де-
...ночь
...по-те, мис-к, сы-нок, у-теб, мис-к, сы-нок, мой сы-нок - вью-
...ночь, мой за-ветный о-го-нок. А-
Для повторения
Для окончания
*) второй куплет исполняется без повторения, после первого куплета

Цена номера 2 руб.

